

VOL. XIV

PHILOLOGIA CLASSICA ET HISTORIA ANTIQVA

ARISTEAS

Universitas studiorum Dmitrij Požarskij

MOSQVAE

MMXVI

ТОМ XIV

ВЕСТНИК КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

АРИСТЕЙ

Университет Дмитрия Пожарского
МОСКВА

2016

ISSN: 2220-9050

Журнал издается Университетом Дмитрия Пожарского

Журнал реферируется Российскими индексом научного цитирования (РИНЦ)

Редакционный совет:

Н.В. Брагинская (Москва), А.Ю. Виноградов (Москва), А.В. Коптев (Хельсинки), А.Е. Кузнецов (Москва), К.Г. Красухин (Москва), В.Ф. Новодранова (Москва), С.Ю. Сапрыкин (Москва), О.В. Сидорович (Москва), И.Е. Суриков (Москва), Г.Р. Цецхладзе (Бирмингем), Ю.А. Шичалин (Москва), Михаэль фон Альбрехт (Гейдельберг)

Editorial council:

Nina Braginskaya (Moscow), Andrey Vinogradov (Moscow), Alexander Koptev (Helsinki), Alexander Kuznetsov (Moscow), Konstantin Krasukhin (Moscow), Valentina Novodranova (Moscow), Sergey Saprykin (Moscow), Olga Sidorovitch (Moscow), Igor Surikov (Moscow), Gocha Tsetskhladze (Birmingham), Yuri Shichalin (Moscow), Michael von Albrecht (Heidelberg)

Редакционная коллегия:

А.В.Подосинов (главный редактор), А.В.Белоусов (заместитель главного редактора), С.А.Степанцов (заместитель главного редактора), И.А.Макаров, А.В.Мосолкин, В.В.Файер, М.В. Шумилин, Е.А Щербакова, Г.С. Беликов (ответственный секретарь)

Editorial Board:

Alexander Podossinov (Editor-in-Chief), Alexey Belousov (assistant Editor-in-Chief), Sergey Stepantsov (assistant Editor-in-Chief), Igor Makarov, Alexey Mosolkin, Vladimir Fayer, Mikhail Shumilin, Elisaveta Sherbakova, Grigory Belikov (executive secretary)

На первой странице обложки – Краснофигурный кратер мастера Эвфрония VI в. до н. э. со сценами из «Илиады» и «Одиссеи» (Roma, Villa Giulia).

Сайт: www.s-end-e.ru/aristeas

E-mail: aristeas.classics@gmail.com

Информационная поддержка: www.librarius.narod.ru

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2016

© Редколлегия журнала, 2016

© Коллектив авторов, 2016

© А.В. Белоусова, дизайн и верстка, 2016

LECTORI BENEVOLO SALUTEM!

Перед тобой, уважаемый читатель, очередной, XIV том «Аристея», который мы постарались сделать интересным и разнообразным.

Но начинаем мы с печальной ноты и с печальной вести: 26 июня сего года скончался патриарх отечественной классической филологии, выдающийся латинист, воспитавший целую когорту ученых-классиков, замечательный человек, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Николай Алексеевич Федоров. Утрата для всех, кто его знал, – горькая и невозполнимая.

Совсем недавно в XI и XII томах «Аристея» мы посвятили 90-летию юбилею Николая Алексеевича несколько материалов, фотографий, поздравительных речей и стихотворений на латинском языке. И вот теперь мы вынуждены писать про Николая Алексеевича снова, но уже совсем в другой, траурной, тональности... Настоящий том начинается с трогательных латинских стихов, написанных в память о Николае Алексеевиче немецким филологом-классиком Михаэлем фон Альбрехтом – большим другом Н.А. Федорова. Здесь же помещен латинский некролог, автором которого является молодой, но уже известный многим латинист Алексей Следников. Светлая память о Николае Алексеевиче да сохранится в наших сердцах на долгие годы!

В этом томе мы публикуем в русском переводе статью известного французского археолога Марио Денти. В статье исследуется группа сосудов высокого класса, произведенных в одной мастерской Южной Ионии в VII в. до н. э. и обнаруженных в разных частях греческого мира – в Северном Причерноморье, в Западном Средиземноморье и на Самосе. Экспорт этих ваз, по мнению автора, отражает феномен эллинизации местных элит начала архаического периода в ориентализирующем направлении.

В статье А.О. Денисова и А.В. Подосинова рассматривается место полумифических Рипейских гор в античной и средневековой географии и картографии от их первых упоминаний до Матфея Меховского, разоблачившего миф об их существовании в XVI в. Представления о Рипейских горах отразились не только в античной и средневековой геокартографии, но и в мифологии, космологии, астрономии, поэзии, в греческих романах.

Дипломатической службе в античных государствах Северного Причерноморья посвящена статья нашей коллеги из Киева М.В. Скржинской. В этой работе впервые собраны и проанализированы все свидетельства внешних и внутренних письменных источников о постановке дипломатической службы в нашем регионе, при этом для сравнения привлекаются и материалы из средиземноморской Греции.

Римской истории посвящена статья С.Э. Таривердиевой «Сальвидиен Руф и Марк Агриппа», в которой исследуются карьеры и взаимоотношения двух видных политических деятелей августовской эпохи.

В статье А.Л. Касаткиной мы оказываемся в XVI в. и следим за тем, как Джон Фишер (1469–1535), епископ Рочестерский и канцлер Кембриджского университета, ведет полемику – естественно, на латинском языке – со своим коллегой Жаком Лефевром о трактовке культа Марии Магдалины. Представляет также интерес суждение Эразма Роттердамского о характере этой полемики – одной из главных среди богословских дебатов с десятых годов XVI в. и вплоть до Тридентского собора. Обсуждаемая здесь полемика важна с точки зрения формирования гуманистического метода работы с текстом и споров о нем.

В разделе «Публикации» исследуется, публикуется и переводится на русский язык один из самых загадочных памятников греческой литературы – гимн богине Роме поэтессы Меллино. Авторы статьи А.В. Мосолкин и Ю.Е. Краснобаева пытаются на основе комплексного анализа текста гимна определить дату его создания и приходят к выводу, что он был написан после II в. н. э.

Традиционная рубрика *Erigraphica Pontica* содержит ставший также традиционным обзор греческой и римской эпиграфики Северного Причерноморья, опубликованной в отечественных и зарубежных изданиях в 2015 г. Автор обзора А.В. Белоусов критически републикует эпиграфические памятники, часто внося свои коррективы в предложенные авторами чтения. Этот раздел стал неотъемлемой частью современных эпиграфических штудий.

Раздел «Путешествия в неизвестную античность» предлагает читателю вторую часть большой работы Е.В. Приходько, посвященной истории, археологии и эпиграфике малоизвестного у нас античного ликийского поселения Сура. Рассказ об истории изучения Суры – это увлекательное, полное приключений и тайн повествование, держащее читателя в напряжении от начала статьи до ее конца.

В разделе *Miscellanea* помещены краткие заметки по поводу одного эпизода океанического плавания Одиссея (А.В. Подосинов) и одного спорного места в «Метаморфозах» Овидия (М.В. Шумилин).

Как всегда, в «Хронике» мы узнаем о том, как прошли занятия в очередной (в данном случае уже VIII) Летней школе по изучению древних языков и античной культуры, которая успешно состоялась в Тверской области 1–10 августа 2016 г. Автор сообщения – неизменный директор этой школы Н.Е. Самохвалова, преподаватель Высшей школы экономики.

И, наконец, в рубрике «Классические языки в России» помещена интереснейшая статья нашего петербургского коллеги А.Б. Черняка об истории слова «рифма» в русском и других европейских языках.

В заключение я хотел бы сообщить об изменениях в составе редакционной коллегии, куда вместо А.С. Егорова (мы благодарны ему за многолетнее сотрудничество) мы кооптировали молодых филологов-классиков Елизавету Щербакову, Михаила Шумилина и Григория Беликова, которые уже активно участвовали в подготовке этого тома.

Москва, сентябрь 2016 г.
Главный редактор журнала

А.В. Подосинов

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора	5
СОДЕРЖАНИЕ	7
CONTENTS	9
ЛАТЫНЬ СЕГОДНЯ	
<i>Михаэль фон Альбрехт</i> Piae memoriae Nicolai A. Fedorov	11
<i>Alexius Vestigiarius (qui et Slednikov)</i> In memoriam inclutissimam Prof.ris D.ris Nicolai Fedorov Moscoviensis	12
СТАТЬИ	
<i>Марио Денти</i> Распространение керамики “Wild Goat Style” (MWGS I) от Чёрного моря до Западной Греции: Контекст восприятия и назначения	15
<i>А.О. Денисов, А.В. Подосинов</i> Рипейские горы в античной и средневековой геокартографии	53
<i>М.В. Скржинская</i> Дипломатическая служба в античных государствах Северного Причерноморья	163
<i>С.Э. Таривердиева</i> Сальвидиен Руф и Марк Агриппа	186
<i>А.Л. Касаткина</i> “Aculeatus iocabaris”: насмешки Джона Фишера над Жаком Лефевром в трактате “De unica Magdalena”	207
ПУБЛИКАЦИИ	
<i>А.В. Мосолкин, Ю.Е. Краснобаева</i> Мелинно. Гимн богине РOME (Suppl. Hell. 541)	233

EPIGRAPHICA PONTICA

*А.В. Белоусов***Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2015 г. 246**

ПУТЕШЕСТВИЯ В НЕИЗВЕСТНУЮ АНТИЧНОСТЬ

*Е.В. Приходько***Сура — ликийское поселение с оракулом по рыбам.****Часть 2. Из Мир в Суру: путешественники и ученые 274**

MISCELLANEA

*А.В. Подосинов***Где находилась страна киммерийцев в «Одиссее»? . . . . . 344***М.В. Шумилин***ОУ. МЕТ. 5.417 . . . . . 353**

ХРОНИКА

*Н.Е. Самохвалова***О работе Восьмой Летней школы по изучению древних языков****и античной культуры (1–10 августа 2016 г.). 356**

ПРИЛОЖЕНИЕ: КЛАССИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ В РОССИИ

*А.Б. Черняк***К истории слова *рифма* 362**

СОКРАЩЕНИЯ 373

НАШИ АВТОРЫ 375

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИСЫЛАЕМЫХ СТАТЕЙ. 377

CONTENTS

Foreword of Editor-in-Chief	5
CONTENTS	9
LATIN TODAY	
<i>Michael von Albrecht</i> Piae memoriae Nicolai A. Fedorov	11
<i>Alexius Vestigiarius (qui et Slednikov)</i> In memoriam inlucissimam Prof.ris D.ris Nicolai Fedorov Moscoviensis	12
ARTICLES	
<i>Mario Denti</i> The circulation of Wild Goat Style pottery (MWGS I) from the Black Sea to Western Greece: reception and destination	15
<i>A.O. Denisov, A.V. Podossinov</i> Rhipaeen mountains in the ancient and medieval geokartography	53
<i>M.V. Skrzhinskaja</i> The diplomatic service in the ancient states of the Northern Black Sea Coast	163
<i>S.E. Tariverdieva</i> Salvidienus Rufus and Marcus Agrippa	186
<i>A.L. Kasatkina</i> “Aculeatius jocabaris”: John Fisher’s Mockery of Jacques Lefèvre d’Etaples in “De unica Magdalena”	207
PUBLICATIONS	
<i>A.V. Mosolkin, Ju.E. Krasnobajeva</i> Mellino. Hymn to goddess Roma (Suppl. Hell. 541)	233

PUBLICATIONS

A.V. Belousov

- The Greek and Latin inscriptions
of Ancient North Black Sea Region. 2015 year** 246

TRAVELS IN THE UNKNOWN ANTIQUITY

E.V. Prikhodko

- Sura — the Lycian settlement with a fish oracle.
Part 2: From Myra to Sura: travellers and scholars** 274

MISCELLANEA

A.V. Podossinov

- Where was the country of the Cimmerians in “Odyssey?”** 344

M.V. Shumilin

- OV. MET. 5.417** 353

CHRONICLE

N.E. Samokhvalova

- Eighth Summer School on Classics (1–10 August 2016)** 356

SUPPLEMENT. CLASSIC LANGUAGES IN RUSSIA

A.B. Chernyak

- To the history of the word *rhime*** 362

- ABBREVIATIONS 373

- OUR AUTHORS 375

- INFORMATION FOR AUTHORS 377

Михаэль фон Альбрехт

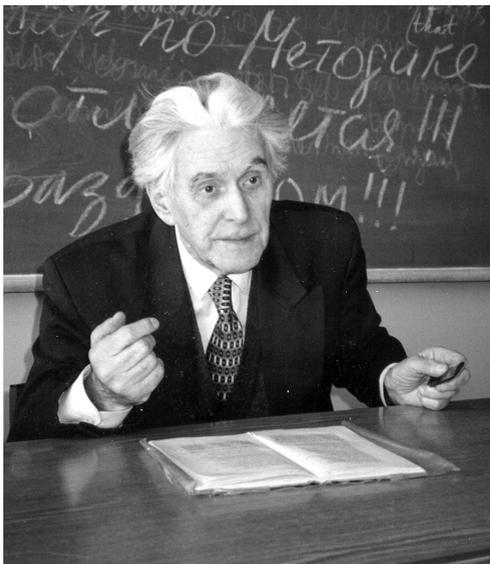
PIAE MEMORIAE NICOLAI A.FEDOROV

Cui longis annis linguam docuisse Latinam
das in Athenaeis, Moscu sancta, tuis?
Cui tantum decoris, tanta ornamenta parasti,
Cor patriae, summi tu caput imperii?
Quis cum discipulis semper sermone Latino 05
Utitur et ludos instituisse valet?
Quis plures doctos docuit, tot iuvit amicos?
Quem tot discipuli discipulaeque colunt?
Quis habitat loca, quae longe pulcherrima Mosquae,
Unde urbem mediam, flumina pulchra videt? 10
Quis peregrinandi semper cupidusque Latini
Colloquii nusquam vult remanere diu,
Stare loco nescit? Comitatur quem optima coniunx,
Quae dux et comes est provida, cuncta parat?
Corporis atque animi Katja omnia vulnera sanat, 15
Atque senectutem praestitit illa levem.
Illa dedit natum. Gaudes iam iamque nepote,
Qui quamvis parvus maxima nomina habet.
Te amissum maerent Latii sermonis amici!
Et referunt grates, o Catharina, tibi. 20
Nam talem tantumque virum fecisse beatum
Soli contigerat, femina docta, tibi!

Alexius Vestigiarius (qui et Slednikov)

IN MEMORIAM INCLVTISSIMAM
PROF. RIS D. RIS NICOLAI FEDOROV MOSCOVIENSIS¹

Prof. Dr Nicolaus Fedorov docens

“Valde doleo, quod Prof. Nicolaus Fedorov, qui tam diu linguae Latinae in Russia fuit lux, nos reliquit. Vita magnorum... semper pro dolor est brevis, sed ille pretiosam Russiae hereditatem dedit, id est discipulos..., qui iter eius pergere possunt et debent.” Talia Paula Marongiu Florentina, cum ei hunc virum Latinissimum alterumque et nongentesimum iam annum agentem die 26° m. Iun. h.a. vita functum esse nuntiavissem, rescripsit. Quibus prolatis plane patefecit, quanti ille ponderis philologiae classicae Rutorum fuisset permaneretque.

Natus autem est Nicolaus Alexii f. Fedorov (sive Theodorus) Moscoviae die 16° m. Apr. a. 1925°. Absoluto scholari curriculo Academiae Moscoviensis Lomonosovianae Facultatem litterarum Rutenicarum a. 1944° intraverat, mox tamen praelectionibus de antiquitate Grae-

¹ Haec laudatio funebris denuo in lucem paulum mutata prodit permissu D.ris Gai Licoppe et Franciscæ Deraedt editorum “Melissae” Bruxellensis, quo in periodico prima vice sit divulgata: Melissa. 193. P. 3-4. Etiam vide: Slednikov 2015.

corum Romanorumque inflammatus in utriusque linguae grammaticorum Scholam migravit. Expletis post quinque annos studiis usque ad annum 1952um summos duce Prof.re Sergio Radtzig honores doctoris petivit, attamen thesin de vocabulorum aestheticorum Ciceronianorum progressionibus multo post, anno scilicet 1981°, confecit. Ceterum ab eodem anno 1952° in Academia Lomonosoviana munere magistri fungi coepit.

Idem autem decursu decenniorum et studiosis docendis et scriptis convertendis optimam sibi famam maximamque auctoritatem acquisivit. Ipsam linguam Latinam non solum intra auream quae dicitur aetatem quin etiam diuturnam Romanorum antiquitatem compressam esse, sed tot posterioribus etiam saeculis floruisse, immo vero ad hanc quoque recentissimam aetatem pertinere patet ex auctoribus quorum opera Russicae linguae donavit. Ciceronem dico quem maxime aestimabat, S. Ambrosium Mediolanensem, Iulium Caesarem Scaligerum, Franciscum Baconem, Leonem Baptistam Albertum, Franciscum Philelfum, Laurentium Vallam, Ioannem Iovianum Pontanum, Godefridum Guilielmum Leibnitium, Ioannem Lockium, Petrum Gassendum, Michaelem denique von Albrecht. Quod tamen attinet ad rationes docendi quas exhibuit, quis alius rem melius referat uno discipulorum? “Omnia, quae in scholis agebantur,” inquit Prof. Dr Alexius Scatebranus (qui et Solopov) Rutenus, “Vividissime ante oculos ponebantur: gestu, oculorum nutu, capitis inclinatione, tum pronuntiatu modo vere histrionico nonnumquam inflexo. Quae partim a doctrina eruditione urbanitate iudicio proficiscebantur, partim a felicissimo ingenio et indole summaque arte actore scaenico digna, quae nativo quodam lepore aspersa erat... Perraro igitur opus esse videbatur rebus grammaticis explicandis, quae quasi sua sponte discebantur; odisti enim illa Orbiliis trita, declinationum exempla et regulas normasque ostendere, mox ex discipulis ea requirere. Sed quod licet Iovi, non licet bovi, neque belle nobis videtur, si omnes nihil omnino in scholis regularum proponant neque ex discipulis interrogent... Quid multa? Spectaculorum fabularumque scaenicarum instar erant scholae nostrae, quibus omnia inesse poterant praeter taedium.”²

Ex hac profunda docendi peritia anno 1968° liber institutorius linguae Latinae (co-auctrice Valentina Miroshenkova collega) undecies in lucem editus, deinde anno 1981° chrestomathia auctorum Romanorum (eadem coauctrice), item anno 1989° duorum voluminum chrestomathia auctorum Graecorum (eadem coauctrice), postremo anno 2003° chrestomathia auctorum Latinorum mediae aetatis ac renatarum litterarum sunt orti.

Illud autem quod vergentibus annis 60^{is} condiderat theatrum Latinum, non tantum Moscoviae variisque in regionibus Unionis Sovieticae notum est, verum etiam nonnullis in urbibus oppidisque Germanorum occidentalium. Quo fabulas Plauti, Catulli, Hrosuithae studiosi studiosaeque agebant loquendo, canendo, saltando.

² Scatebranus 2015: 14.

Eodem denique temporis spatio conventum Bucurestiensem anno 1970° celebrato cum participaret,³ ad Latinitatem vivam conversus est. Porro aliis quoque interfuit conventibus: Lovanii et Antverpiae anno 1993°, Matriti 2002°, Alcannizii et Ampostae anno 2006°, Neapoli anno 2007°, Segedini anno 2008°, Ratisbonae anno 2009°, Romae anno 2010°. Sed iam antea cum anno academico 1986°–1987° in studiorum Universitate Moscoviensi scholas Latinitatis vivae instituit, linguae Latinae usum ineunte saeculo XX° ibidem miserabiliter extinctum feliciter restituit. Itaque alter – simul cum Prof.re D.re Iacobo Borovio Lenino- et Petropolitano – pater Latinitatis vivae Russorum iure meritoque nominatur.

Anno 1987° Catharinam Sergii f. sibi matrimonio iunxit, ex qua ei anno 1988° Alexius filius natus est. Porro anno 1994° in studiorum Universitate humanitatis studiis provehendis Professor linguae litterarumque Latinarum factus est, annis autem 1994° – 1998° in Academia Russica Orthodoxa Ioannea munere Decani Scholae philologorum est functus. Praeterea annis 90^{is} in Museo Graeco-Latino, ab anno vero 2003° in Academia Theologica Orthodoxa Tychoniana linguam Latinam docuit. Propter merita sua in Latinitate iuventuti tradenda tribus Ecclesiae Russicae Orthodoxae insignibus honoratus est.

Requiem aeternam dona ei, Domine, et lux perpetua luceat ei.

OPERA CITATA

- Fedorov N.* 1970: Conventus omnium gentium Latinis litteris linguaeque fovendis Bucurestiis MCMLXX a die 28 mensis Augusti ad diem 3 mensis Septembris // Вопросы классической филологии. 5. М.: МГУ. С. 228–239.
- Scatebranus [qui et Solopov] A.* 2015: Alexius Scatebranus Rutenus Nicolao Alexii f. Fedorov magistro suo salutem // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 11. С. 13–16.
- Slednikov A.* 2015: “Legere, id est intel-legere docere“. De Nicolao Fedorov clarissimo professore Moscoviensi nonagenario // Vox Latina. 51. P. 443–450.

³ De quo conventu commentationem conscripsit hanc: Fedorov 1970. Eandem invenies etiam hac in pagina: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/bitstream/123456789/3572/1/Fedorov%20N.A.f.%20De%20conventu%20Bucurestiensi.pdf>

Марио Денти

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КЕРАМИКИ «WILD GOAT STYLE» (MWGS I) ОТ ЧЁРНОГО МОРЯ ДО ЗАПАДНОЙ ГРЕЦИИ: КОНТЕКСТ ВОСПРИЯТИЯ И НАЗНАЧЕНИЯ*

Распространение ориентализирующей керамики Восточной Греции представляет собой особое свидетельство о культурном горизонте и идейном выборе своих заказчиков, о туземных и греческих аристократических общностях, расселённых на берегах Средиземноморья и Чёрного моря в VII в. до н. э.¹ Подборка, представленная здесь, включает в себя группу сосудов – ойнохой и дейносы, – которые, как мы смогли выяснить, были сделаны в одной и той же восточно-греческой мастерской, работавшей в третьей четверти VII в. до н. э. Эти объекты вписываются в рамки группы изделий, условно называемой «Middle Wild Goat Style»** (сокращённо – MWGS I)² и созданной, как считается в настоящее время, в южной части Ионии, в частности, в Милете³. Они были найдены в храме Самоса, в одном из «местных» центров побережья Чёрного моря и в некоторых из наиболее значимых поселений Западного Средиземно-

---

* Я благодарю Ф. Круассана и М.-Ш. Хеллманна за чтение рукописи и за предложения.

¹ Копейкина 1972; Les céramiques de la Grèce de l'Est 1978; Alexandrescu 1978; Guzzo 1978; Martelli 1978; Orlandini 1978; Корпусова 1980: 98–104; La Genière 1982: 168; Lemos 1991: 191–208; Tsetschladze 1994; Vakhtina 2006.

** «Средний стиль дикой козы». Автор приводит это название без перевода, а также аббревиатуру английского варианта, поэтому уместнее сохранить его в том же виде и здесь (примеч. переводчика).

² Об этих изделиях Восточной Греции основная библиография следующая: Schiering 1957; Cook 1958; Kardara 1963; Walter 1968; Lemos 1991; Cook 1994; Cook 1997: 111–119; Cook, Dupont 1998: 32 sq.; Boardman 1998: 141 sq.

³ Dupont 1978: 290–297; Dupont 1983; Dupont 1986: 57–61; La Rocca 1985: 40 et 42; Cook, Dupont 1998: 32.

морья: Инкоронате и Сирисе в Великой Греции; Геле на Сицилии; Вульчи в Этрурии. Один экземпляр неизвестного происхождения.

Открывшаяся для нас возможность вписать эти материалы исключительного качества в точный контекст их восприятия и назначения – как мы увидим, в основном, церемониального – предоставляет ключ, необходимый для понимания сложной логики этой фазы процесса «ориентализирующей» эллинизации регионов, расположенных в крайних пределах греческого мира. Анализ археологической документации должен, в действительности, позволить нам наметить общее объяснение феномена экспорта и восприятия этих сосудов, в рамках которого проявится еще ряд проблем: постоянное появление этого типа объектов в местах, специфичных географически и функционально; повторяемость их назначения, что очерчивает контуры единого способа использования; критерии выбора заказчиков – чтобы попытаться понять характер отношений, поддерживаемых с мастерскими восточного побережья Эгейского моря; наконец, последствия распространения этих изделий для местных мастерских, работавших в разных местах, где они и были зафиксированы.

МАСТЕРСКАЯ MWGS I, СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ НА ЭКСПОРТ

Наше исследование начнётся на холме Инкоронаты, недалеко от Метапонта, где посреди огромного хранилища импортированных амфор и изготовленных на месте ориентализирующих сосудов Дину Адаместяну откроет в начале 1970-х гг. фрагмент расписного дейноса, импортированного из Восточной Греции (*рис. 1*)⁴. На сохранившейся стенке тулова сосуда, украшенного с исключительным изяществом, можно увидеть справа налево: быка, идущего налево; сидящего, повернувшись направо, грифона; птицу, устроившуюся на его хвосте; гуся меж его лап; вставшую на дыбы «дикую козу» с ногами, поднятыми к груди, и с повернутой головой; хорошо проработанный растительный орнамент, в котором расцветают ряд пальметт: речь идёт о хорошо известном сюжете древа жизни, очень часто встречающемся в работах художников Восточной Греции, Киклад, а также мастерских Инкоронаты⁵. На основе многочисленных сравнений мы можем восстановить рядом с этим сюжетом, в рамках геральдической схемы, присутствие другого грифона, симметричного тому, который со-

⁴ Национальный археологический музей Метапонта, инвентарный номер – St 25640. Высота – 15 см, максимальный диаметр – 45 см. По краю – тесьма; внизу – ряд противопоставленных треугольников. Adamesteanu 1973: pl. XXI, 3; Adamesteanu 1974: 72–73; Paribeni 1973: 137; Guzzo 1987: 108, pl. LXII, fig. 5; Paribeni 1978: 241 et 321; Ciafaloni 1986: 123, 133, n. 72, pl. 49; Orlandini 1988: 5, fig. 7.

⁵ Тема была углублена в: Denti 2002, в частности p. 44 sq., fig. 4, 6, 7, 9 (Incoronata), 5 et 10 (WGS), 11 (Cyclades).

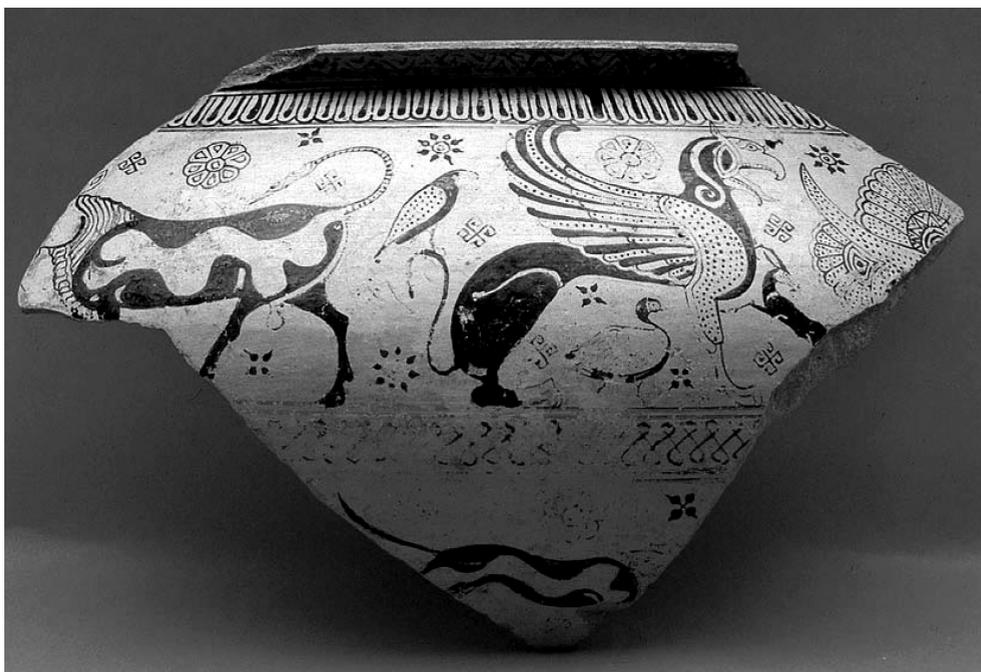

Рис. 1

Инкороната, фрагмент дейноса MWGS I. Cl. © Археологический музей Метапонта

хранился. Ряд животных ограничен сверху фризом с годронами между двумя линиями, а снизу – полосой, состоящей из змеевидного меандра между двумя двойными горизонтальными линиями. Ниже сохранилась бегущая вправо собака, которая должна была быть одной из нескольких собак, часто изображающихся вместе с зайцами и/или дикими козами. Заполнение, очень плотное, свободного пространства обеспечивается за счёт розеток с восемью необработанными контурами лепестков, контуров стилизованных цветочных узоров с четырьмя лепестками, свастик.

Дейнос может быть отнесён к MWGS I на основе точных сравнений с «южно-ионическими» кубками, кратерами (дейносами) и, в особенности, с ойнохоями (с более коренастым туловом и цилиндрической шейкой в начале периода⁶ – как на *рис. 2* – и с более высоким туловом, разделённой на трое в верхней части шейкой, приподнятой ручкой в конце периода⁷), которые дати-

⁶ О развитии этой формы, которая начинает появляться в конце Геометрического периода, см.: Cook 1997: 113.

⁷ Очень известный пример этой более поздней типологии – «ойнохоя Леви» в Лувре (630 до н. э.), которая могла бы быть равным образом обнаружена в Этрурии: Schiering 1957: passim, pl. 13, 1 et 16, 5; Walter 1968: 126, no 592, pl. 116–117; Martelli 1978: 158,

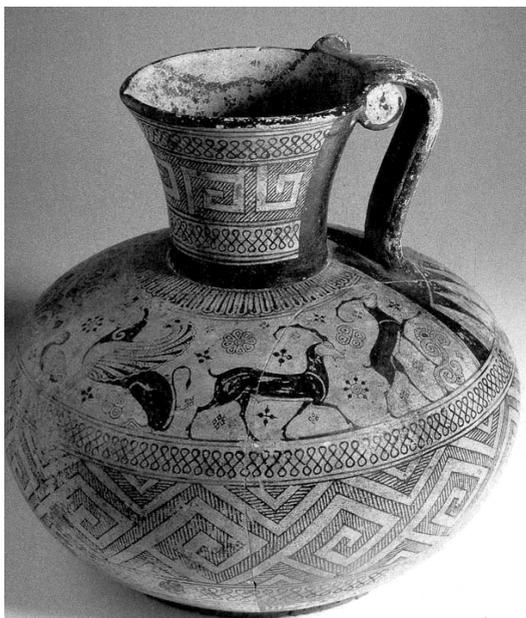

Рис. 2
Вульчи, ойнохоя MWGS I.
По: Pugliese Carratelli 1996

руются сегодня с наибольшей точностью периодом около 640–630 гг. до н. э.⁸ Наивысшее качество работы, изящество деталей, свежесть и изысканность живописного декора делают наш экземпляр одним из лучших изделий этой фазы WGS. Следует подчеркнуть, что в конечном итоге эта хронология оказывается подтвержденной «западными» данными, предоставленными именно раскопками Инкоронаты, так как наш дейнос был обнаружен в контексте, где самые новые протокоринфские черепки принадлежат к позднему протокоринфскому стилю⁹.

Тем не менее, этот дейнос, про который Энрико Парибени мог с уверенностью сказать, что он был

«исключительной чистоты»¹⁰, – не единственный вышедший из этой мастерской экземпляр, который был экспортирован на Запад.

Сохранившаяся в Музее вилла Джулия ойнохоя среднего WGS I из Вульчи, которая датируется тем же десятилетием (рис. 2–4)¹¹, может быть признана работой той же руки. Сосуд, оцениваемый своим издателем как «escezionale

по 2 (с предшествующей библиогр.); Boardman 1998: 153, fig. 287.

⁸ Cook, Dupont 1998: 36, фаза, соотносимая с «Поздним ориентализирующим родосским стилем» (Later Orientalising Rhodian style) Кардары – Kardara 1963. Можно считать неприемлемым отнесение фрагмента к мастерской Хиоса (Ciafaloni 1986: 123) на основании технологии, иконографии и стилистики (Lemos 1991 passim; Cook, Dupont 1998 passim) и даже на основании хронологии ввиду того, что WGS Хиоса начинается лишь в последней четверти VII в. (датирование основано на точных стратиграфических показателях: Cook, Dupont 1998: 47), то есть в эпоху, когда Инкороната прекратила своё существование.

⁹ Orlandini 1978a: 306; Ciafaloni 1986: 122.

¹⁰ Paribeni 1973: 137.

¹¹ Национальный музей вилла Джулия, инвентарный номер – 97994. Обнаруженное в окрестностях Вульчи, секвестр L. Sabatini 1961. Высота – 24 см; максимальный диаметр – 25,5; диаметр основания – 16. Giuliano 1975a; Giuliano 1975b: 4, fig. 1, et 8, note 1, no 5; Martelli 1978: 157, cat. no 1, pl. LXXVII, fig. 10; Martelli 1985: 206, no 3, fig. à la p. 207; Cook 1994: fig. 1033.

Рис. 3

Вульчи, ойнохоя MWGS I, деталь. Cl. © Музей вилла Джулия, Рим

per impegno e qualità tecnica» («исключительный по усердию и с технической точки зрения»)¹², покрыт сложным орнаментом, включающим в себя фриз с животными на плечике, на котором изображены три диких козы (крайняя справа поднялась на дыбы над деревом из спиралей с пальметтами) рядом с центральным рисунком, который состоит из двух грифонов, сидящих в геральдической позе перед сложным растительным «трофеем», состоящим из двойной симметричной спирали, откуда показываются пальметты (дерево жизни); перед грифонами – гусь. Тулово декорировано гигантским наклонным меандром, заполненным параллельными вертикальными линиями, и двойными треугольниками (заполненными параллельными горизонтальными линиями), которые его обрамляют сверху и снизу. Верхний фриз окаймлён годронами и отделён от нижнего фриза линейным узором извилистого меандра, который повторяется внизу под нижним фризом и за которым вновь следует ряд годронов, поднимающийся от основания: пять заполненных годронов чередуются с четырьмя пустыми годронами. На шейке представлен огромный меандр на фоне, заполненном параллельными косыми линиями и обрамлённом сверху и снизу линейным узором извилистого меандра. Выше зоны ручки – декорированный

¹² Giuliano 1975a: 165.

Рис. 4

Вульчи, ойнохоя MWGS I, рисунок. По: Giuliano 1975a

фриз плечика прерывается, чтобы уступить место для декоративного орнамента, представляющего собой ряд из шести острых лучей, спускающихся параллельно и размещённых в центре нижней части чёрного панно. Тройная ручка заканчивается наверху цилиндром, снабжённым двумя дисками.

Техническая, стилистическая и иконографическая идентичность этой ойнохои с дейносом Инкоронаты является полной. Во вторичном декоре рассмотрим в первую очередь окаймление фриза годронами сверху и извилистым меандром снизу; форму, пропорции и способ изображения различных типов розеток, стилизованных цветочных узоров с четырьмя лепестками, свастик, абсолютно одинаковых на двух сосудах; в расписанном фрагменте отмечаем чёткую аналогию изображения «растительного трофея» с пунктирными зонами и частями, заполненными лаком, которые, очевидно, выполнены одной и той же рукой; совершенную идентичность в реализации одного из сюжетов-сигнатур этих произведений: грифона (рис. 1 и 3), где мы отметим тот же способ рисовать голову, необработанный завиток на шее, профиль шеи, профиль плеча и верхней части испещрённой точками передней лапы; форму и профиль

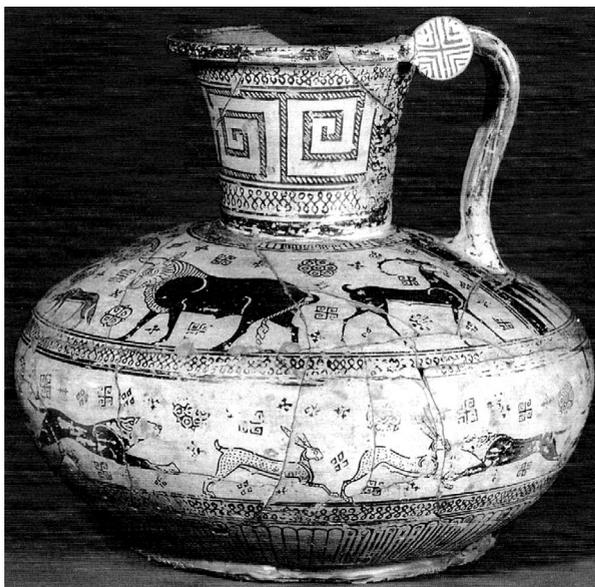

Рис. 5

Темир Гора, ойнохоя MWGS I. По: Gorbunova X., Saverkina I. 1975

крыльев с тем же чередованием испещрённых точками перьев и чёрных перьев и с тем же типом профиля; форму лап и необработанный профиль подогнутой задней лапы. Но в особенности, именно идентичность в изображении голов двух грифонов – крайне глубокий и о многом нам говорящий аспект работы художника – позволяет узнать руку одного мастера. Те же наблюдения могут быть сделаны в отношении гуся – он находится под грифоном в Инкоронате и перед грифоном в Вульчи – так же как и в отношении изображения го-

лов диких коз, для которых общими являются тонкая элегантность черт, особенности изображения морды или также формы уха, маленького и продолговатого, рядом с рогом.

Другой сосуд может быть признан работой этого художника, и речь вновь идёт об истинном «шедевре» среднего WGS I: это знаменитая ойнохоя с северного побережья Чёрного моря, хранящаяся в Санкт-Петербурге. Она была обнаружена в одном из наиболее древних и значительных скифских курганов региона – Темир-горе (недалеко от Керчи, на восточной оконечности Крыма) (рис. 5–7)¹³. На неё нанесён богатый декор, включающий в себя фриз с животными на плечике, где изображена дикая коза с каждой стороны от основной группы, состоящей из пантеры и быка, между которыми находится животное, напоминающее лисицу (вероятнее, чем собаку, если судить об этом по форме хвоста, здесь гораздо большего, чем у бегущих собак); на тулове – бегущие животные: зайцы и дикие козы. Верхний фриз окаймлён годронами и отделён от

¹³ Раскопки 1870. Эрмитаж, инвентарный номер – ТГ 12. Н. 27 см. Schiering 1957: pl. 15, fig. 1; Kardara 1963: 120, pl. 1; Walter 1968: 120 («изделия Самоса»), no 503, pl. 94–96; Копейкина 1972; Gorbunova, Saverkina 1975: 6, no 2, pl. 2; Alexandrescu 1978: 53; Tsetskhladze 1994: 119 (со слишком поздней хронологией); процитировано в Schiltz 1994: 116; Boardman 1998: 143, fig. 285 («изделия Милета»); Cook, Dupont 1998: 36, fig. 8.5 («южно-ионические изделия»). О месте находки см. дальше примеч. 42 и 43.

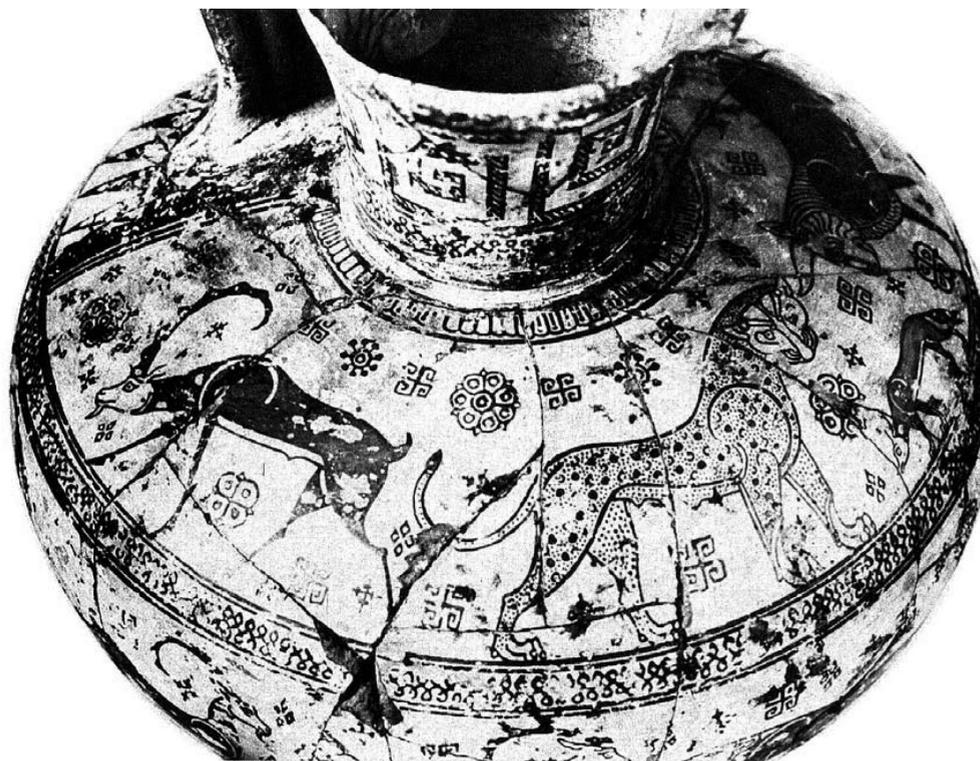

Рис. 6

Темур Гора, ойнохоя MWGS I, деталь. По: Walter 1968

нижнего линейным узором извилистого меандра, повторяющегося снизу, под нижним фризом, за которым следует ряд годронов, поднимающийся от основания; ряд заполненных годронов чередуется с рядом пустых годронов, коих семь. На шейке представлен большой меандр на заштрихованном фоне, окаймлённый сверху и снизу линейным узором извилистого меандра. Выше области ручки расписанный фриз плечика прерывается, чтобы уступить место декоративному узору, состоящему из ряда девяти острых параллельно спускающихся лучей, размещённых в центре нижней части чёрного панно.

Соотнесение с рукой, которой были украшены два предыдущих сосуда, просто напрашивается, если принять во внимание реализацию живописного декора, которая является идентичной, и многие технические детали, так же как и иконографические. Рассмотрим, в частности, особый способ изображать детали шеи, гривы и хвоста быка на дейносе Инкоронаты и на этой ойнохое (рис. 1 и 5): очевидно, речь снова идёт об одном из «сюжетов-сигнатур» художника. Можно сказать то же самое и о «вторичном» оформлении: необработанные розетки, контуры розеток, свастики, стилизованный цветочный узор с четырьмя лепестками. Ойнохоя с Чёрного моря имеет, кроме того, многие общие черты

Рис. 7

Темир Гора, ойнохоя MWGS I, деталь. По: Walter 1968

с ойнохоей из Вульчи: помимо экстраординарного сходства в изображении животных и растений, можно констатировать полную идентичность в форме розеток с четырьмя лепестками, розеток с восемью лепестками, стилизованных цветочных мотивов, свастик, а также маленьких групп из четырёх ромбов.

Также достаточным будет сравнить очень своеобразную форму обоих сосудов: их идентичные профиль и пропорции сразу отличают их от других ойнохой того времени (чья форма, однако, аналогична)¹⁴, организация расписанного пространства вокруг декорированной области шейки (окружённой чёрным фоном снизу и сзади – там, где находится ручка), или, кроме того, манера прерывать декорированный фриз на плечике, на высоте области ручки, рядом острых лучей, параллельно спускающихся с чёрного панно, края которого также окаймляют лучи (рис. 7). Конечно, речь идёт о схеме, которую мы можем иногда встретить на других ойнохоях WGS этого же периода¹⁵, но на наших

¹⁴ Ср., например, ойнохую из Камироса в Берлине: Walter 1968: 127, no 621, pl. 127; Boardman 1998: 152, fig. 284.

¹⁵ Ср., например, ойнохую из коллекции Властос в Афинах: Schiering 1957: pl. 4; или также на «ойнохое Леви» (oinochoé Lévy) из Лувра (см. примеч. 7) – эволюция, которой орнамент будет подвергаться несколькими годами позже, со схематизацией и упрощением пропорций всех лучей, размещённых в соответствии с основанием ручки.

экземплярах она реализована способом, отличным от всех остальных и в то же время характерным для этой группы: таким образом, она представляет собой последний «товарный знак», идентифицируемый и идентифицирующий. Можно обнаружить те же глубокие аналогии в элементах, выбранных для обрамления расписанных зон, элементах, которые, впрочем, выполнены с помощью той же техники: годроны в основании шейки, линейный извилистый меандр для обрамления нижнего фриза, вновь годроны, поднимающиеся от основания, с чередованием заполненных и пустых элементов. Те же наблюдения справедливы для украшения шейки (большой меандр между двумя извилистыми меандрами) и для формы (тройной) ручки, заканчивающейся наверху цилиндром с двумя дисками по краям.

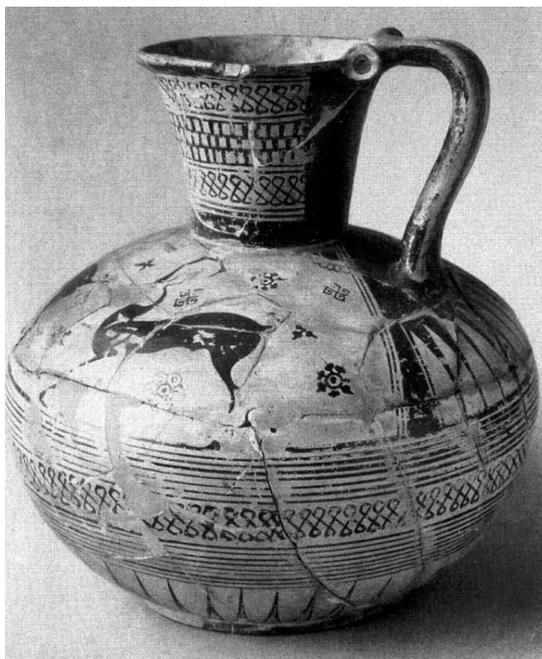

Рис. 8

Париж, Лувр, коллекция Самрана, ойнохоя MWGS I. По: Schiering 1957

Если мы останемся в специфической сфере структуры сосуда и его декоративного содержания, казалось бы возможным (но, может быть, с некоторыми оговорками) признать частью этой серии другую ойнохую того же времени, что и предыдущие: хранящаяся в Лувре и принадлежащая к коллекции Самрана, она, к сожалению, имеет неизвестное происхождение (рис. 8)¹⁶, но вписывается в группу изделий MWGS I¹⁷. И здесь мы вновь обнаруживаем ряд характеристик, позволяющих шаг за шагом увидеть за изображениями, которые мы только что проанализировали, личность определённого художника. С экземплярами из Инкоронаты, Вульчи и с Чёрного моря ойнохую Лувра роднят, в частности, форма сосуда, тип ручки, окаймлённый и увенчанный чёрным панно декор с лучами под ручкой, чёрный фон, который обрамляет роспись шей-

¹⁶ Лувр, инвентарный номер – CP 263-S 1838. Schiering 1957: 8, no 25, pl. 3, no 2; Kardara 1963: fig. 34; Walter 1968: 126, pl. 118, no 596 («эфесские» изделия).

¹⁷ Cook, Dupont 1998: 196, no 5, её странным образом помещают в список ойнохой раннего (initial) WGS. Сопоставление с экземпляром из Темир-горы было уже предложено в: Копейкина 1972: 150.

ки. Эта роспись, впрочем, сильно сближает её с двумя другими ойнохоями с тем же двойным линейным извилистым меандром, который здесь (вместо меандра) окаймляет орнамент, состоящий из трёх горизонтальных параллельных полосок, заполненных чёрными вертикальными сегментами.

Рис. 9

Сирус, фрагмент ойнохой MWGS I. Cl. © М. Денти

Роспись плечика включает в себя диких коз и украшения для заполнения пространства (два разных типа розеток, стилизованные цветочные орнаменты с четырьмя лепестками, свастики), способ изображения и типология которых строго идентичны предыдущим. Роспись тулова, которая меняется, впрочем, на каждом экземпляре, – отлична, но аналогична с точки зрения способа изображения: начиная сверху следуют друг за другом восемь параллельных линий, извилистый линейный меандр, девять параллельных линий, лучи, которые поднимаются от дна.

Очевидно, представляется возможным признать другие сосуды работой этой мастерской, даже если очень небольшая величина некоторых сохранившихся фрагментов предполагает некоторую осторожность. Во всяком случае несколько примеров могли бы в этом смысле нам помочь, предоставляя в то же время важные подсказки по фундаментальному вопросу условий возникновения этого типа объектов.

Начнём сперва с Запада. Из Сирус-Полиэйона – близкого места, даже «кузена» Инкоронаты, – происходят весьма показательные фрагменты, являющиеся частью шейки расписной ойнохой MWGS I (рис. 9)¹⁸. Речь идёт о том же типе, что и другие рассмотренные ойнохой, характеризуем тем же декоративным содержанием и, в особенности, идентичным способом изображения: действительно, мы вновь обнаруживаем орнамент с большим меандром, изображённый здесь с косыми линиями внутри (а не на фоне, как в других случаях), согласно традиции, хорошо засвидетельствованной многочисленными

¹⁸ Национальный археологический музей Сиритиды, Поликоро. Инвентарный номер – 44087. Раскопки храма Деметры, 1964–1967. Высота – 5,5 см; ширина каждого фрагмента – 5,7 см; толщина – 0,4 см. Бежево-розовая глина. Guzzo 1978: 107, п. 4.

Рис. 10
Джела, фрагмент ойнохои MWGS I.
По Walter 1968

экземплярами, происходящими из Герайона Самосского¹⁹; выше – извилистый линейный меандр; чёрный фон, который окружает эту роспись. Снова необходимо подчеркнуть, что экземпляр происходит из святилища.

Интересно посмотреть, как великий учёный Е. Парибени интуитивно понял значение таких сопоставлений, когда он представлял в 1973 г. фрагмент дейноса Инкоронаты²⁰: «Di questa classe non saprei indicare in Italia altro che una splendida oinochoe da Vulci in cui il motivo araldico della palmetta affiancata da grifi ritorna in forme estremamente simili a un collo di oinochoe da Policoro [justement, celle que nous venons de considérer]. Il significato di un importo così raro e cospicuo si intende meglio se

affiancato dalla produzione autoctona orientalizzante, estremamente notevole per il numero, la qualità e la monumentalità dei pezzi». («Из такого рода ваз я сумел бы показать в Италии только прекрасную ойнохою из Вульчи, на которой геральдический рисунок пальметты, поддерживаемой грифонами, вновь появляется в форме, сильно похожей на роспись шейки ойнохои из Поликоро [как раз та, которую мы только что рассмотрели]. Значение настолько редкой и значительной ценности понимается лучше, если рядом с ней находятся автохтонные ориентализирующие изделия, необычайно выделяющиеся количеством, качеством и монументальностью деталей»).

Те же догадки (очень существенные) в пользу отнесения к нашей группе подтверждены для фрагмента ойнохои, происходящей из Гелы (рис. 10)²¹. Из росписи сохранилась лишь задняя часть сидящего грифона и часть восточного

¹⁹ Walter 1968: 121, nos 511–513, pl. 98; 124, no 563, pl. 108–109; Kopke 1968: 261, no 27, pl. 97, fig. 3 (кратер).

²⁰ Paribeni 1973: 137.

²¹ Schiering 1957: 12, 96, 100; Walter 1968: 111, n. 351, pl. 59 («самосский»); Orlandini 1978: 95, pl. LIV, fig. 9.

Рис. 11
Самос, Герайон, ойнохоя MWGS I,
реконструкция. По: Walter 1968

мотива льва, несущего на спине тело мёртвого животного. Способ оформления, пропорции, профиль и детали фигуры грифона (в частности, крыла и белой линии, которая отграничивает от него бедро) сближают его с грифонами, представленными на дейносе из Инкоронаты и на ойнохое из Вульчи. Расписанная область ограничена снизу тем же орнаментом, что и на шейке ойнохоей из Лувра (рис. 8): между двумя параллельными линиями – три маленьких горизонтальных полосы, заполненных чёрными вертикальными сегментами. Фрагмент был обнаружен – снова отметим это особое обстоятельство – в сакральном

контексте, а именно – в святилищах акрополя²².

Если мы теперь вернёмся в Восточную Грецию, наоборот, покажется трудным принять в расчёт фрагмент MWGS I из Немирова (Чёрное море), признанный Л.В. Копейкиной работой той же мастерской, как и ойнохоя из Темир-горы, по причине незначительности сохранившейся части и тривиальности представленного сюжета (дикая коза), что очень препятствуют идентификации²³.

Зато из другого сакрального места – Герайона Самосского – происходит экземпляр, который мы должны с большой степенью вероятности отнести к нашей группе. Речь идёт о расписной ойнохое, от которой сохранились многочисленные фрагменты, имеющие изображения быка, льва и сфинкса²⁴ (или, лучше сказать, грифона, принимая во внимание левую стелющуюся лапу) (рис. 11–12)²⁵. Эти сюжеты очень близки по стилю к предыдущим произведениям, в частности, в деталях изображения животных: посмотрим вблизи на ту технику, которая нам уже знакома, а именно, на профиль крыла грифона (рис. 12). Декоративное содержание схоже: линейный извилистый меандр и большой меандр на заштрихованном фоне, который покрывает тулово (как на сосуде из Вульчи) и шейку (как на сосудах из Вульчи и Темир-горы); на основании тулова сосуда мы вновь обнаруживаем те же годроны, присутствующие

²² NSc. 1960: 148, fig. 13; Orlandini 1978: 95.

²³ Копейкина 1972: 158, fig. 5 b.

²⁴ Так у Walter 1968: 120.

²⁵ Высота – 28 см. Walter 1968: 120, no 502, pl. 91–93 (реконструкция).

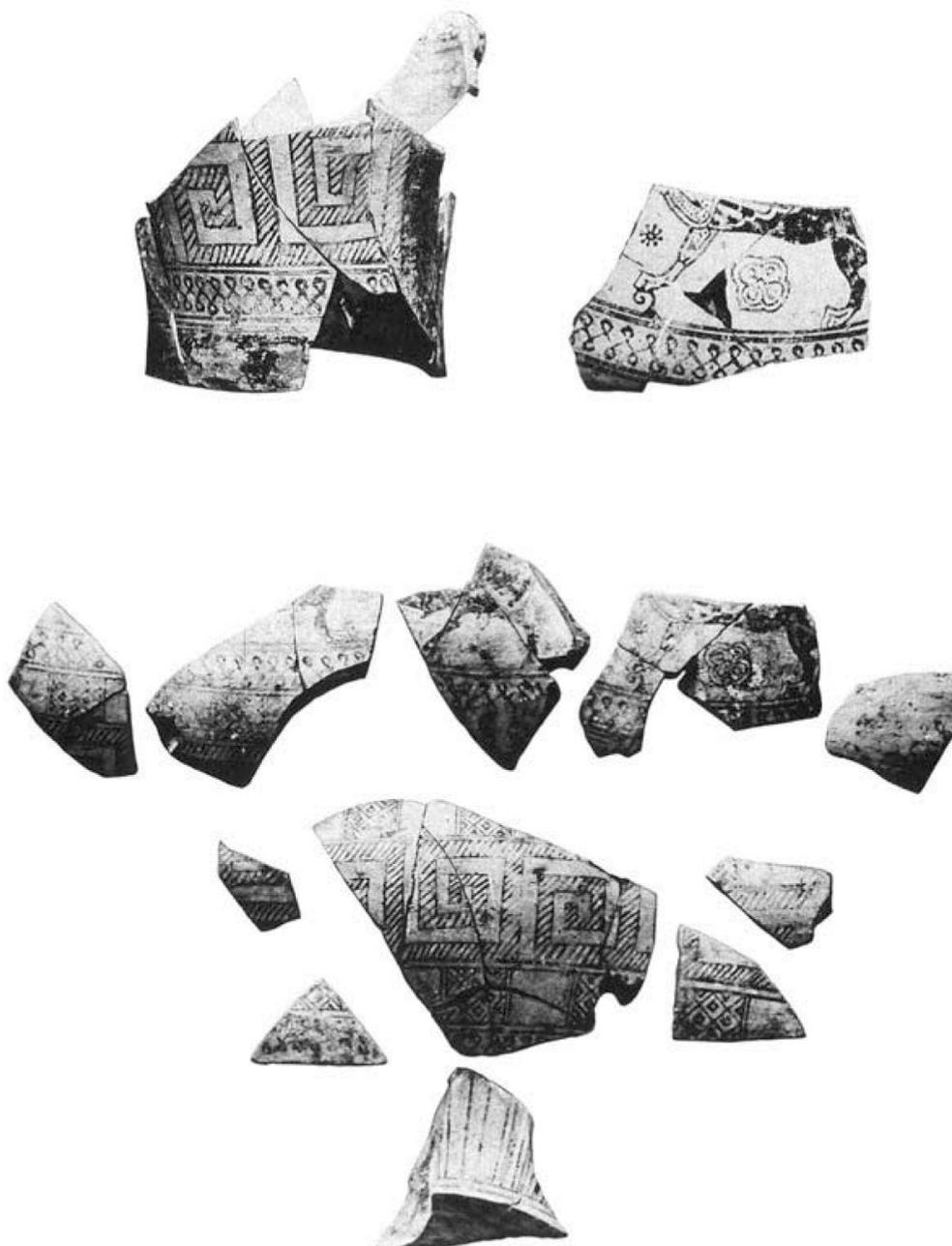

Рис. 12
Самос, Герайон, ойнохоя MWGS II. По Walter: 1968

на других экземплярах: ряд из трёх заполненных годронов чередуется с рядом из трёх пустых годронов. Речь идёт о детали, которую равным образом можно увидеть на фрагментах других ойнохой Герайона, однако слишком плохо сохранившихся для того, чтобы их можно было отнести к этой серии²⁶.

Антонио Джулиано уже имел возможность отметить стилистическую идентичность самосского экземпляра и ойнохой из виллы Джулия²⁷. В этом смысле, надо подчеркнуть – на уровне методологии, – что целесообразность признания таких точных аналогий, даже конкретных совпадений, в реализации этих многочисленных иконографических, стилистических и технических деталей находит своё обоснование в комплексном анализе изделий одного времени, выходящих из мастерских MWGS I. Это, в действительности, позволяет идентифицировать без особых трудностей руку художника или, если хотите, мастерской²⁸. Перечень животных (козы, грифоны, львы, быки, гуси, собаки и т. д.), элементы «заполнения» (розетки, свастики, цветочные элементы), пропорции и профиль сосудов (в частности, ойнохой), форма ручек имеют очень специфичные черты, которые позволяют признать существование одной и той же руки в оформлении ряда сосудов²⁹. В этом отношении не стоит забывать, что то, что мы имеем перед собой, – это сохранившаяся часть в любом случае очень ценных и немногочисленных изделий, исключительность которых зависит не только от состояния наших знаний³⁰.

²⁶ Walter 1968: 121, no 510, pl. 97 (чередование семи пустых гребней) = Корке 1968: no 35, pl. 99,3; Walter 1968: 121, no 519, pl. 98 (3 пустых гребня) = Корке 1968: no 29, pl. 97,5.

²⁷ Giuliano 1975 a: 165: «La oinochoe di Villa Giulia sembra quasi identica a quella di Samo» («Ойнохой из виллы Джулия кажется почти идентичной ойнохой с Самоса»).

²⁸ См. список ойнохой, которые стоит поставить в один ряд с ойнохой из виллы Джулия, список, предложенный А. Джулиано, который всё же остался настроен скептически в отношении возможности распознать мастерскую или личность художника: Giuliano 1975a: 165 (в этом за ним следует La Rocca 1985: 38). Отметим, впрочем, что автор уверенно указывал, в том же контексте, на сосуд, который в то время только что был обнаружен: наш дейнос MWGS I из Инкоронаты. См. также сравнения, предложенные М. Мартелли, как и ранее в отношении ойнохой из виллы Джулия, которые вновь сопоставимы с нашими (Самос, Эрмитаж, Лувр): Martelli 1978: 158. Аналогичная процедура идентификации мастерской WGS была выполнена Р. Куком: Cook 1993: 109–115.

²⁹ См., например, ряд изображений, сопоставленных в Schiering 1957: в отношении коз, pl. 12 et 13, мы узнаем также «нашу» козу на fig. 2 (Saint-Petersbourg); в отношении быков, pl. 15 (бык из Санкт-Петербурга, fig. 1); в отношении грифонов, pl. 16. Или также другой способ изображать грифона – на ойнохой из Ясоса (La Rocca 1985: pl. VIII, a-b), глубокие отличия которой можно будет отметить в рамках той же иконографической схемы в проработке каждой детали, если сравнить её с проработкой нашего художника (рассмотрим в частности изображение морды животного). См., кроме того, богатый иконографический набор WGS, представленный в Walter 1968: pl. 90 sq., или беглый обзор изображений ойнохой MWGS, сопоставленных в: Boardman 1998 на с. 152 и 153.

³⁰ Martelli 1978: 158. Мы вернёмся к этому более подробно позже.

Рис. 13

Самос, Герайон, дейнос MWGS I, деталь. По Walter: 1968

Эти материалы, таким образом, достаточно богаты, чтобы можно было провести последовательный анализ. Если мы рассмотрим, например, репродукции рисунка, всё время повторяющегося в наших западных экземплярах, – грифона, мы можем констатировать существование чётких различий между грифонами, принадлежащими к нашей группе, и многочисленными другими, даже если на первый взгляд они кажутся очень похожими. Сохранившийся в отдельных фрагментах дейнос из Герайона Самосского, на котором представлены гусь, грифон и лань (рис. 13)³¹, свидетельствует об этом. Несмотря на глубокие иконографические и стилистические сходства, пропорции животного, детали головы и, в особенности, способ изображения и профиль крыла, сопоставленные с тем, что мы видим на дейносе Инкоронаты (рис. 1), не дают нам признать его работой нашего художника. То же замечание верно и для другой ойнохой MWGS I, происходящей с Родоса и хранящейся в Берлине³², которая могла быть интегрирована³³ в список произведений, наиболее близких к рассмотренным здесь ойнохам (Вульчи, Темир-гора, Самос). В данном случае имеются не только заметные стилистические и иконографические различия, но и сама форма сосуда сильно отличает её от наших экземпляров.

Этот беглый обзор привёл нас, таким образом, к признанию индивидуальности художника, который работает в третьей четверти VII в. Среди изделий мастерских MWGS I эти сосуды заметно выделяются из среднестатистических работ того времени утончённостью и элегантностью художественного оформления. Представленные животные, кажется, оживают на самом деле, особенно если сравнить их с другими аналогичными фигурами, изображавшимися в мастерских WGS того времени, манера передвижения которых более скованная, а формы более упрощены³⁴. *Ductus* письма этого художника настолько изящный, утончённый и свежий, что поверхность этих сосудов, кажется, живёт и отражает свет, как настоящие волокна ткани³⁵. Другая заметная характерная черта этой мастерской: её изделия – ойнохой и дейносы – предназначены для экспорта и ориентированы на вполне конкретный рынок; в действительности, они достигают мест, греческих или туземных, прямо или косвенно затронутых греческой колонизацией как на востоке, так и на западе.

³¹ Walter 1968: 123, no 556, pl. 105; Kopke 1968: 261, no 26, pl. 97, fig. 2. См. также *ibid.* no 27, fig. 3.

³² Walter 1968: 127, no 621, pl. 127; Boardman 1989: no 284, fig. à la p. 152.

³³ Копейкина 1972: 150; Giuliano 1975a: 165.

³⁴ Сравним работу нашего художника со среднестатистическими изделиями того времени на страницах больших каталогов, таких как Walter 1968, *Les céramiques de la Grèce de l'Est* 1978 или Boardman 1998.

³⁵ См. Cook, Dupont 1998: 38.

Для упрощения и более для удобства, чем из-за реальной перспективы присвоения, мы дадим этому мастеру имя «Художник странствующих грифонов». Такое происходит из-за двух главных черт его изделий: тот факт, что на всех трёх экспортированных на запад экземплярах, которые мы знаем (Вульчи, Гела, Инкороната³⁶), рисунок грифонов присутствует всегда, представляя собой в то же время один из его главных рисунков-маркёров, и тот факт, что все эти сосуды были найдены за пределами своего центра изготовления. Очевидно, это может означать лишь то, что созданные однажды художником, эти грифоны тотчас же «улетели» в долгое путешествие вплоть до окраин (*eschatiai*) эллинизированного мира. Попытаемся теперь понять, почему.

МЕСТА И КОНТЕКСТ ВОСПРИЯТИЯ

Теперь, после того, как были проанализированы экземпляры, которые мы могли признать принадлежащими к одной и той же группе, надо обратиться к основным проблемам, сводящимся к следующему вопросу: почему грифоны путешествовали? Иначе говоря: по каким причинам сосуды, изготовленные в нашей мастерской, покидают её и, самое главное, куда они прибывают?

Вначале необходимо напомнить, что феномен, который мы пытаемся понять, не нов. До распространения на Западе расписных сосудов MWGS I, мы проследим импорт в рассматриваемые регионы датирующихся концом VIII в. и началом VII в. предметов «роскоши» из Восточной Греции, которые могут быть признаны результатом работы той же мастерской. Будет достаточным рассмотреть, например, то, что происходит в Южной Италии на берегу Ионического моря. Инкороната была, по существу, свидетелем того, как прибыла «северно-ионическая» ойнохоя позднего геометрического стиля с венчиком, разделённым натрое, украшенная изображением «дерева из меандра»³⁷, птиц и большим ромбом, включающим в себя пять меньших клетчатых ромбов (*рис. 14*)³⁸. Она, несомненно, вышла из-под той же руки, что и откопанная в святилище Афины на Тимпоне делла Мотта, во Франковилле-Мариттине в Сибарисе, ойнохоя, от которой сохранились фрагменты (*рис. 15*)³⁹: мы можем кон-

³⁶ Фрагмент из Сириса (*рис. 9*) включает в себя лишь область шейки.

³⁷ Дискуссия об этом орнаменте с предшествующей историографией в Denti 2000: 796 sq.

³⁸ Национальный археологический музей Метапонта, инвентарный номер – St 125081. Panzeri 1981: 579–582; Orlandini 1982: 315–327, 326, fig. 21; Orlandini 1985: 217–236, 231, fig. 25; I Greci sul Basento 1986: 131, no 68, pl. 48; Denti 2000: 798; Incoronata 2000: 49, fig. 52a, 52b, 182, 183.

³⁹ Национальный археологический музей Сиритиды, инвентарный номер – FM 65613, раскопки Stoor во Франковилле-Мариттине, 1963–1969. Guzzo 1978: 109, no 28 bis;

Рис. 14

Инкороната, «северно-ионийская» ойнохоя,
поздний геометрический период.
Сл. © М. Денти

статировать поистине удивительную стилистическую и техническую идентичность, вплоть до способа, которым художник держал кисть в момент вычерчивания параллельных линий (сгущение краски в конце штриха в тех же местах).

Феномен распространения на Западе расписных сосудов, изготовленных в мастерских Восточной Греции, развивается, таким образом, в течение всего VII в. в соответствии с устойчивыми особенностями. И одна из наиболее поражающих – это, безусловно, концентрация заказов в достаточно ограниченном числе мастерских. Речь идёт о феномене, равным образом зафиксированном в северных пределах греческого мира, в регионе Понта

Эвксинского. Для нашего периода (третья четверть VII в.) ойнохоя из Темиргоры, которую мы исследовали (рис. 5), представляет собой отнюдь не изолированный случай. В действительности, у неё находят точные параллели с фрагментами, обнаруженными в другом месте на Чёрном море, Немирове, которые привели русских археологов к идентификации их как изделий той же мастерской⁴⁰.

Импорт керамики MWGS I (650–630 гг. до н. э.), всегда расписной, зафиксирован в первую очередь за счёт экземпляров очень большой ценности. Речь идёт об изделиях, которые вписываются в импорт исключительных изделий, созданных очень ограниченным числом мастерских. Случай, изученный здесь, то есть «Художника странствующих грифонов», кажется, является одним из наиболее значимых, но он, вероятно, – не единственный⁴¹.

В историческом и географическом плане эти изделия предназначены для греческих и местных элит регионов, расположенных в крайних пределах эллинизированного мира. Кроме специфичного случая Герайона Самосского (ко-

Stoop 1979: 77–97, 82, pl. IV, 7; Guzzo 1982: 237–250, 245, fig. 12.

⁴⁰ См. примеч. 23 и Vakhtina 2006.

⁴¹ Присутствие на Западе в равной степени исключительных изделий, немного более поздних, таких как «ойнохоя Леви», не должно являться единичным случаем. См. выше примеч. 7.

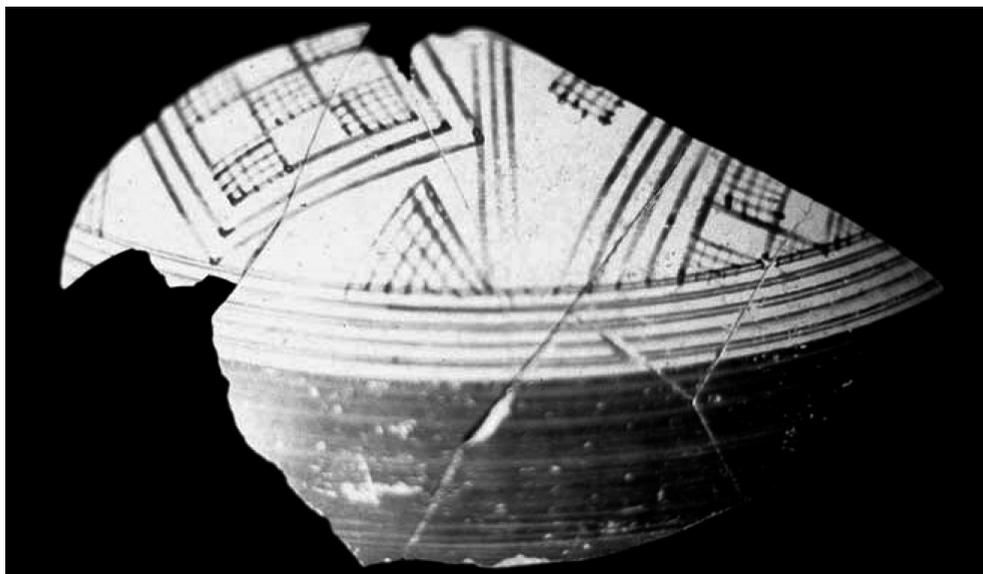

Рис. 15

Франкавилла-Мариттима, фрагмент ойнохои. Cl. © М. Денти

торый может объясняться близостью этого большого святилища к местам изготовления), ойнохои и кратеры, вышедшие из нашей мастерской, встречаются в ключевых местах греческой колонизации (Инкороната, Сирис, Гела), так же как и среди местных в Италии (Вульчи) и на Чёрном море (Темир-гора). Недостаток точных знаний о контексте использования сосудов, происходящих из Этрурии (контекст, который мы должны в любом случае представлять себе как погребальный) может быть успешно компенсирован ситуацией на востоке Средиземноморья, где эти изделия были помещены внутри больших «царских» курганов скифских народов на побережье Чёрного моря, основательно подпитываемых греческой культурой с VII в.⁴² Их церемониальное назначение подтверждено исключительным уровнем обнаруженных объектов в грандиозном кургане Темир-горы, в котором представлены, среди прочего, покрытый золотом жезл из бронзы, ступицы с фризами с животными, а также впечатляющий декор лука и колчана из кости⁴³.

Определённая степень эллинизации аристократических сообществ негреческой среды, как в Этрурии⁴⁴, так и на Чёрном море⁴⁵, может являться ключе-

⁴² Schefold 1938: 7; Копейкина 1972: 147; Amandry 1975; Alexandrescu 1978; Tsatskheladze 1994; Виноградов 2001.

⁴³ Копейкина 1972: 147; Schiltz 1994: fig. 11 et 86. См. также Schiltz 1991: в частности, 73.

⁴⁴ Martelli 1985: 178.

⁴⁵ Amandry 1975; Виноградов 2001.

вой причиной присутствия этого типа объектов, истинных маркёров престижа, который играл роль критерия их причастности к греческому культурному горизонту. Лучше сказать: ко вполне конкретному греческому горизонту – Восточной Греции. Это не случайность, что никакое распространение изделий WGS не зафиксировано в эту эпоху вблизи местных сообществ изнутри.

В частности, исключительное качество сосудов, вышедших из нашей мастерской, если сравнить их со среднестатистическими изделиями того времени той же школы, определяет их как поистине «уникальные произведения», весьма ценные объекты. Вспомним по этому поводу, что изделия WGS, импортируемые на Запад, в целом очень редки⁴⁶: к середине VII в. Этрурия знает лишь десяток экземпляров из них⁴⁷. Если мы ссылаемся на списки этих самых объектов, экспортированных в Великую Грецию и на Сицилию, ситуация не слишком отличается⁴⁸. Присутствие сосудов с Хиоса на Западе (Этрурия и Южная Франция) ограничивается 19 экземплярами⁴⁹.

В Восточной Греции, таким образом, засвидетельствовано существование, по крайней мере, одной специализированной мастерской, которая реализует в течение третьей четверти VII в. очень ограниченное и предназначенное специально на экспорт изготовление расписных сосудов⁵⁰. С географической точки зрения, как мы это увидели, район Милета кажется, в действительности, лучшим кандидатом для её местонахождения. Чтобы попытаться лучше понять её характерные черты, надо будет сперва изучить особенности проявления этого конкретного случая в общем контексте экспорта изделий WGS.

Эуджио Ла Рокка приводил в этой связи аргумент «экономического» характера: коммерческие интересы Милета в эту эпоху могли основываться на сношениях между Милетом и Великой Грецией и Сицилией. На самом деле, он задался вопросом⁵¹, не могли бы мы вслед за присутствием наших изделий MWGS I в Геле и Инкоронате обнаружить поставку пшеницы в Милет со стороны этих двух плодородных регионов, ввиду того что ионический город в то время был вынужден её импортировать. Что же касается Чёрного моря – где большинство колониальных поселений точно являются милетскими⁵² – то, кажется, позволительно принять во внимание политико-исторические причины, но мы, очевидно, не можем применять те же критерии в случае итальянского

---

⁴⁶ Cook, Dupont 1998: 38.

⁴⁷ Martelli 1978: 157 sq.; Cook 1989: 163.

⁴⁸ Guzzo 1978: 107–109.

⁴⁹ Lemos 1991: 195 sq.

⁵⁰ Об определении происхождения керамики Восточной Греции в регионе Чёрного моря см.: Dupont 1983.

⁵¹ La Rocca 1985: no 47.

⁵² Tsetskhladze 1994.

полуострова. Кроме того, мы не должны прибегать к «экономическому» подходу, чтобы объяснить такой феномен, как импорт произведений расписной керамики исключительного качества, феномен, скорее лежащий в идеологической и культурной сфере.

Марина Мартелли ссылалась здесь на аргумент эстетического и качественного свойств. Рассматривая нашу ойнохою из Вульчи и другую, ещё более известную, «ойнохою Леви», она их квалифицировала как два из «*maggiori documenti del commercio greco-orientale che, intorno alla metà del VII secolo, esporta in Occidente (Magna Grecia e Etruria) pezzi di altissima qualità, inviati forse come campionario della eccezionale capacità raggiunta dall'artigianato greco*» («из наиболее значительных свидетельств восточно-греческой торговли, в рамках которой примерно в середине VII в. на Запад (Великая Греция и Этрурия) экспортируются изделия высочайшего качества, посылаемые, возможно, как образцы выдающегося умения, достигнутого греческим ремеслом»)⁵³. Это, очевидно, аргумент, который необходимо учитывать и который, несомненно, принимался в расчёт среди критериев выбора, но, рассматриваемый изолированно, он тем не менее кажется слишком общим и формалистским.

Зато археология, вероятно, в состоянии дать нам более структурированный ответ, позволяя понять основной элемент: контекст использования изделий. В действительности, можно удостовериться, что все эти сосуды были обнаружены только в двух типах местоположений – святилищах и некрополях. Из святилища происходят, в действительности, экземпляры с Самоса (*рис. 11*), из Гелы (*рис. 10*), Сириса (*рис. 9*), Франкавиллы-Мариттимы (*рис. 15*). Из могилы правителя – экземпляр с Чёрного моря (*рис. 5*) и, очень вероятно, – с учётом состояния весьма хорошей сохранности сосудов и их «этрусского» происхождения, – экземпляры из Вульчи (*рис. 2*) и из коллекции Кампана в Лувре (*рис. 8*).

Известно, впрочем, что «шедевры» встречаются обычно в святилищах и могилах, и никогда – в поселениях⁵⁴. Этот тип изделий, в действительности, всегда сохранял свою особенность керамических изделий, предназначенных для специфичных культовых функций, или также своё ритуальное значение в погребальных церемониях, даже в новых землях импорта⁵⁵. Постоянный спрос на две формы – дейнос и ойнохою – в этом отношении уже очень информативен, потому что он концентрируется на сосудах, которые вписываются в церемониальные практики. Если мы затем обратимся к собственно изобразительному горизонту, присущему этим ценным объектам, изобилие таких изображений,

⁵³ Martelli 1985: 206.

⁵⁴ Scheibler 2004: 65. П. Орландини подчёркивает это в отношении импорта WGS на Сицилию: Orlandini 1978: 95.

⁵⁵ Scheibler 2004: 213.

как древо жизни, быки, дикие козы и птицы, но в особенности грифоны, лишь подтверждает связь контекста находок: как престижные составляющие языка жестов в сфере средиземноморского аристократического ритуала, наши сосуды представляли в качестве точных средств передачи в переносе «царских» образов из восточно-греческой традиции.

Избегая того, чтобы создать слишком жесткие схемы интерпретации, мы не можем всё же не увидеть, что распространение изделий MWGS идёт по двум основным действующим направлениям: в греческой среде (Великая Греция и Сицилия) эти сосуды, кажется, использовались в сакральном контексте, а в негреческой среде (в Этрурии, как и на Чёрном море) – в погребальном контексте. В обоих случаях их функция остаётся ритуальной.

Культовое назначение сосудов WGS засвидетельствовано преимущественно в греческих поселениях Средиземноморья, как это показывают, в частности, очень многочисленные экземпляры из Герайона Самосского (которые мы только что рассматривали)⁵⁶, данные из святилища Лабраунды⁵⁷, из Артемисиона и из святилища Афины Полиухи (Градодержницы) на Тасосе⁵⁸; нельзя забывать и впечатляющий кубок MWGS II с Хиоса, посвящённый Афродите Состратом и найденный в Навкратисе⁵⁹. Напомним здесь также о знаменитом килике VII в., обнаруженном в Эмпории (Хиос), с подписью гончара (Никесамос)⁶⁰.

Западные находки в этом отношении не являются исключением. Когда происхождение известно, мы снова констатируем, что изделия Восточной Греции посвящены сакральной сфере или расположены в погребении.

Список экземпляров первой группы длинен: из святилища Биталеми в Геле ведут происхождение, среди прочих, большой дейнос WGS с Хиоса и фрагменты другого дейноса⁶¹; из святилища Малофорос в Селинунте – фрагменты хиосских чаш⁶²; из хранилища пожертвований святилища Деметры в Катании – по меньшей мере двадцать чаш, фрагмент кратера, фиала-месомфала и кубки – все хиосского изготовления⁶³; из Афинайона в Сиракузах – ойнохоя

⁵⁶ Вместе с библиографией, рассмотренной прежде, см. важные наблюдения в: Isler 1978: 71–84.

⁵⁷ Jullly 1978: 31–33.

⁵⁸ Salviat 1978: 87–92.

⁵⁹ Lemos 1991: 73, no 252, pl. 24–27; Boardman 1998: no 311, рис. на с. 160.

⁶⁰ Lemos 1991: 7, no 35, pl. 4. В заключение об ионической расписной керамике в святыхнях см. различные работы (среди прочих, T. Carl и U. Schlotzhauer) в Biering et al. 2006 и, наконец, Schattner, Riederer 2007.

⁶¹ Lemos 1991: 19, no 303, и 196, no 10, pl. 37–40, который считал, что они были для пожертвований; Orlandini 1978.

⁶² Lemos 1991: 196, no 11 (для пожертвований).

⁶³ С площади Сан-Франческо в Катании (чаша LWGS с Хиоса: северно-ионическое блюдо LWGS; чаша с Хиоса в «Animal Chalice Style»): Vasi del Wild Goat Style 2008;

LWGS⁶⁴; из культовой зоны в Ортигии – фрагменты дейноса, тарелки и ойнохои LWGS⁶⁵; из сакральной зоны Гризо-Лабочетта в Реджо – кубок с птицами, фрагменты ойнохои, три фрагмента, принадлежащие к «стилю Евфорба»⁶⁶, и килик с изображением комастов с Хиоса⁶⁷; из святилища Афины во Франковилле в Сибарисе – две ойнохои LWGS⁶⁸ и фрагменты с Хиоса⁶⁹; из святилища Сан-Бьяджо в Метапонте – «родосская ориентализирующая» ольпа⁷⁰; из святилища Афродиты в Грависке – среди прочего, фрагменты дейноса LWGS и две чаши с Хиоса⁷¹; многочисленные фрагменты хиосского изготовления VI в. в Марселе, вероятно, все были найдены в святилищах⁷².

Когда речь идёт о появлении этих сосудов в погребениях, будет достаточно учесть длинный список керамики Восточной Греции, обнаруженной в этрусских некрополях (где её присутствие хорошо прослеживается уже в геометрический период)⁷³, на Сицилии (Селинунт, Гела)⁷⁴ и в Великой Греции (особенно Тарент)⁷⁵ или импортированной с Хиоса в некрополях Локр (Манеллы), Тарента, Цере, Вульчи, Гаворрано (Гроссето)⁷⁶.

Что касается конкретно изученной здесь группы MWGS I, ритуальное назначение объектов Герайона Самосского, а также экземпляров, обнаруженных в святилищах Гелы, Сириса и Франкавиллы-Мариттимы, так же как и в этрусских или скифских некрополях, заставляет нас следовать той же красной нити, чтобы попытаться разгадать причину присутствия этих редких изделий в местах, в отношении которых нам не достаёт точных свидетельств о происхождении.

В связи с этим, нам следует обратиться к тому единственному контексту, который мы ещё не проанализировали, так как он, казалось, не даёт достаточно ясной информации: это контекст Инкоронаты, где был найден фрагмент очень

Lemos 1991: 195, no 7.

⁶⁴ Vasi del Wild Goat Style 2008.

⁶⁵ Fouilland 2000: 115–118, Vasi del Wild Goat Style 2008 который упоминает (116, с библиографией) о существовании других находок WGS в Ортигии, ещё частично не изданных. См.: Lemos 1991: 196, no 9, fig. 417–418.

⁶⁶ Guzzo 1978: 108.

⁶⁷ Guzzo 1978: 114; Lemos 1991: 196, no 13.

⁶⁸ Stoop 1970–1971: 38–66; 60 sq., nos 8 et 9, pl. XXIV; Guzzo 1978: 109.

⁶⁹ Lemos 1991: 196, no 17.

⁷⁰ Guzzo 1978: 108.

⁷¹ Boitani Visentini 1978: 216–222; Lemos 1991: 197, no 22.

⁷² Lemos 1991: 196, no 25.

⁷³ Martelli: 1978.

⁷⁴ Rallo 1978: 99–103; Orlandini 1987.

⁷⁵ Lo Porto 1978: 131–136.

⁷⁶ Lemos 1991: 197, nos 14, 19, 21, 23, 24.

красивого дейноса, расписанного нашим художником (рис. 1). Традиционно расположенные на возвышенности хранилища керамики, в которых находились десятки изделий той же ценности, что и вышеупомянутое (по большей части местного изготовления), считались «домами-складами» в поселении⁷⁷. Тем не менее, недавний критический пересмотр находок, состоящих из многочисленных покрытых рисунком периррантерий с роскошным тиснением (другой класс сосудов, однозначно предназначенных для ритуальных целей)⁷⁸, также как и результаты последних исследований и новых раскопок⁷⁹ позволили нам открыть путь к новой интерпретации. Ввиду того, что никакого некрополя здесь не обнаружено, нам остаётся только представить этот ключевой археологический объект как место ритуальных практик, по крайней мере, на более поздней фазе его существования⁸⁰. Предельно высокое качество обнаруженной расписной керамики, также как и её значительное количество, прямо подводит нас к такой интерпретации. Следовательно, существование в Инкоронате экземпляра сосуда MWGS I, такого как наш дейнос (теперь лучше вписывающегося в рамки системы своего изготовления и международного функционирования), делает ещё более сложным традиционное понимание его места происхождения (поселения). Зато в культовом контексте этот фрагмент вновь обретает внутри гигантских хранилищ ориентализирующей расписной керамики Инкоронаты свою функциональную идентичность.

Переплетение данных, относящихся к происхождению изделий, с данными о заказчиках порождает различные проблемы. В первую очередь, можем ли мы уточнить, к какому типу аристократического сообщества принадлежали жертвователи⁸¹? Если ситуация достаточно прояснена в случае некрополей, то в отношении святилищ – в Геле, во Франкавилле-Мариттине, Сирисе и Метапonte – мы можем представить себе несколько возможностей: живущие там греки, не греки или же греки, которые, придя из Восточной Греции, увозили с собой свой ценный груз и жертвовали его в конечном итоге западному храму.

⁷⁷ Среди очень богатой библиографии см. коллективный том: *I Greci sul Basento* 1986, в частности, с. 29–39 (P. Orlandini).

⁷⁸ Denti 2005: 173–186.

⁷⁹ Информацию см. в ежегодных сообщениях о раскопках в MEFRA. Их итоги см. в: Denti 2013: 71–116.

⁸⁰ Связь изделий WGS, таких как наш дейнос, с греческой керамикой местного изготовления и с поздним протокоринфским стилем позволяет датировать эти склады третьей четвертью VII в., то есть в рамках заключительной фазы существования поселения.

⁸¹ Вопрос не обретает большой важности сам по себе. То, что в действительности имеет значение, – это проверить, одновременно ли участвуют аристократические сообщества Средиземноморья и Чёрного моря, характеризующиеся определённой степенью эллинизации, в эту эпоху в развёртывании одного эталонного культурного горизонта.

Чтобы ответить на этот вопрос, следует, в действительности, решить другую проблему: проблему значения выбора именно такого типа жертвования. Обладал ли в эту эпоху очень красивый расписной сосуд WGS универсальным престижем благодаря своим собственным качествам, или же он был наделен некими конкретными характерными чертами, которые ему придавали ценность идентификации в общественном и/или культурном плане? Могло ли решение выставлять напоказ «Wild Goat Style» как декор сосуда, жертвуемого святилищу далёкого Запада, указывать на идентичность заказчика? Иначе говоря, возвращаясь к основному методологическому вопросу, отражает ли стиль – в качестве «изобразительного языка» – идентичность⁸²? Следует уточнить, что мы понимаем здесь термин «идентичность» в культурном смысле (как проявление принадлежности к специфичной системе международных отношений) и не обязательно в этническом смысле.

Если мы даём положительный ответ на этот вопрос⁸³, погребальная сфера дает лучшие аргументы для понимания. В действительности, выбор этрусского аристократа, который в Вульчи середины VII в. решил среди своего погребального убранства выставить расписную ойнохою, изготовленную в Восточной Греции, мог бы в общем объясняться причинами престижа: посредством этого шедевра восточно-греческой керамики он намеревался показать свою принадлежность к системе самой высокоценимой ориентализирующей культуры. Но могли бы мы объяснить такое понимание его выбора стремлением выразить что-либо более специфическое, что точно было бы распознано общественностью того времени? Незамедлительно идентифицируемая черта, которая могла указывать, что этот заказчик был в определённой мере причастен не только к культурному горизонту, но, очень вероятно, и к конкретным отношениям с миром – миром Восточной Греции – о котором напоминает объект, изготовленный в этой среде?

Сосуд в таком случае мог быть там для подтверждения определённых связей между нашей восточно-греческой мастерской и её западным этрусским, скифским или греческим заказчиком, – связей, природа которых остаётся в настоящий момент неизвестной, но которые, в сущности, основывались на глубокой идейной общности. В этом смысле, WGS (как протокоринфский или протоаттический стили) может рассматриваться как настоящий изобразительный язык, способный говорить и даже выражать многие вещи. Мне по-прежнему сложно представить, что столь утончённая цивилизация, как цивилизация наших «ориентализирующих» аристократов VII в., не осознавала культурную и

⁸² Croissant 1983.

⁸³ Проблема методологического порядка. Прочтение такого рода было опробовано в отношении «колониальной» керамики VII в. в Сирисе и Метапonte в: Denti 2002.

идейную ценность изобразительных носителей, на изготовление которых у неё был спрос⁸⁴.

На протяжении всего нашего поиска интерпретации мы можем спрашивать себя, не будем ли мы однажды в состоянии найти след, ведущий к лучшему пониманию природы отношений, которые могли поддерживаться – от одного края морских средиземноморских путей до другого – между нашей мастерской и её заказчиками. Очевидно, что при нынешнем состоянии наших знаний ещё невозможно ответить на этот вопрос. Но суть в том, чтобы начать воссоздавать вокруг этих изделий картину их использования и назначения. В отношении специфичного случая Вульчи мы можем, например, подтвердить устойчивость и в то же время долгую длительность этих отношений, вспомнив, что импорт туда абсолютно исключительных изделий продолжится в течение всего VII в.: в списке изделий WGS одного этого центра фигурируют, по крайней мере, «ойнохоя Леви»⁸⁵ и чаша MWGS II с Хиоса, хранящаяся в Бюрцбурге⁸⁶.

Там, где идентичность заказчиков остаётся неизвестной, как в культовых местах, такого рода интерпретация позволяет избежать заблуждения в ошибочном методологическом подходе: в ассоциировании сосуда, изготовленного в определённой мастерской (в нашем случае, очень вероятно, милетской), с заказчиком, связанным, с этнической точки зрения, с этим регионом, при этом присутствие сосуда WGS свидетельствует, что он попросту принадлежит греку с востока. В первую очередь, как мы это увидели, проявляется культурная, а не этническая идентичность.

Данный нам шанс определить существование особых отношений между заказчиками, находящимися в очень удалённых эллинизированных регионах,

---

⁸⁴ Так как мы в настоящее время в состоянии ознакомиться с иконографическими и стилистическими подборками расписных изделий в классическую и эллинистическую эпохи с точки зрения идентичности и/или идеологии (мы это делаем равным образом и для архаической эпохи), я не понимаю, почему мы должны воздержаться в отношении периодов, предшествующих VI в. Это ознакомление ещё более приемлемо для такой цивилизации, как та, которую мы называем «ориентализирующей», которая отбирает каждый элемент, происходящий с Востока, с чёткой и строгой логикой, благодаря которой каждая маленькая иконографическая деталь отнюдь не незначительна. Факт неумения её интерпретировать сейчас не означает, что мы должны отказаться от попытки это сделать. Ср., например, изучение принятия и «местной» разработки иконографии Горгоны в ближневосточной традиции (а именно, «конской») в работах греческих мастеров по керамике Сириса и Метапонта в: Denti 2000a: 475–497. По этой проблеме см.: Denti 2002a: 22–34.

⁸⁵ См. выше примеч. 7.

⁸⁶ Lemos 1991: no 236, pl. 19–20; Cook, Dupont 1998: 47, fig. 8, 15; Boardman: no 310, рис. на с. 159.

и, по крайней мере, одной мастерской, которая была в состоянии обеспечить им те самые первоклассные изделия WGS, стал бы в таком случае главным аргументом для подтверждения специфичных контактов между этими двумя мирами. Могло ли бы в таком случае присутствие ойнохои или дейноса MWGS I в погребении аристократа или в святилище означать существование «особой связи» заказчика с этой исторической и культурной средой?

«Западный *WILD GOAT STYLE*»

Анализ последствий появления этого типа изделий в керамических мастерских, действующих на Западе, должен теперь позволить нам углубить понимание отношений между заказчиками и восточно-греческими мастерскими.

В историко-культурной динамике, на которую опирается связь между импортом объектов, местным изготовлением моделей и миграцией мастеров по керамике в Западное Средиземноморье⁸⁷, серия сосудов, которая стала объектом нашего исследования, как выяснилось, принадлежит к начальной фазе распространения керамики WGS: к фазе импорта изделий MWGS I, который относится к периоду, когда работает наш художник, примерно в десятилетие 640–630 гг. до н. э. Далее идёт скромное начало деятельности мастеров по керамике, эмигрировавших из Восточной Греции, которые будут использовать в западных поселениях художественный и технический багаж, принесённый из метрополии: как мы это скоро увидим лучше, Италия – уникальный свидетель этой деятельности: на юге (местная мастерская WGS Инкоронаты), на Сицилии (местная мастерская WGS Гелы)⁸⁸, в Этрурии («Художник Ласточки», последняя четверть VII в.⁸⁹). Эта фаза – местного изготовления или «имитации» WGS вдали от оригинальных мастерских⁹⁰ – частично охватит деятельность греческих мастеров по керамике, которые, начиная с последней четверти века, окончательно внедрятся в Этрурию, как, например, «Художник бородатого сфинкса» и его окружение (610–600 гг. до н. э.)⁹¹. Этот феномен характеризуется существованием мастерских, которые работают отныне автономно, создавая новый, в сравнении с оригинальными моделями, язык.

⁸⁷ Giuliano 1963; Martelli 1978: 25; Guzzo 1978; Martelli 1978; Orlandini 1978; Martelli 1985; Cook 1989; Gaultier 2000: 421–437. Об этом феномене в районах Понта Эвксинского см. примеч. 3.

⁸⁸ Denti 2000: 816 sq..

⁸⁹ Giuliano 1963; Giuliano 1975b; Martelli 1987: 25, 275, nos 58, 59; Cook, Dupont 1998: 68; Giuliano 2000 с предшествующей библиографией.

⁹⁰ Cook, Dupont 1998: 38 et 66; Denti 2000: 816.

⁹¹ Giuliano 1963: 197 sq.; Martelli 1987: 25 et 276 sq., nos 60, 1–2, 61, 62; Cook 1989; Giuliano 2000.

Следовало бы, очевидно, рассматривать эти три момента с определённой гибкостью и не как жёстко последовательные фазы – не соответствующие друг другу хронологии экземпляров Инкоронаты (*ante* 640–630) и Этрурии (620–610) доказывают это – но скорее как различные разновидности ремесленной и художественной деятельности, развивающейся в греческих и местных сообществах Запада.

Следует отметить как важный факт, что почти во всех местах, затронутых феноменом импорта сосудов MWGS I на Запад – в Этрурии, на Сицилии, в Великой Греции – это способствует созданию мастерской, которая начнёт изготавливать WGS на месте. В результате появляются достаточно заметные в стилистическом плане объекты, чтобы мы могли говорить о «Западном WGS»⁹². Речь идёт об изделиях, вышедших из «вторичных» мастерских (употребляя англо-саксонский термин), которые ещё не удостоились достаточного внимания со стороны специалистов⁹³; в действительности, обычно упоминаемые «колониальные имитации» главным образом происходят из Истрии, Ольвии, с Березани и из Навкратиса⁹⁴.

На данный момент можно обнаружить по меньшей мере три основных мастерских. Наиболее известная – та, которая изготавливает в Вульчи сосуды MWGS II в течение последней четверти VII в. Речь идёт о «Художнике Ласточки», живописце, который учился в восточно-греческой мастерской и который, эмигрировав в Этрурию, создал там свою собственную мастерскую⁹⁵.

Вторая может быть локализована в Геле. Из некрополя виллы Гарибальди происходит стамнос местного изготовления, датируемый приблизительно второй половиной VII в. (*рис. 16*)⁹⁶. Декор, который принадлежит с точки зрения стиля к MWGS I, включает в себя между ручками ряд концентрических кругов, вдохновлённых Кикладами; наверху, между параллельными линиями, находится рисунок собаки, преследующей дикую козу (который характеризует «вторичные» фризы изделий WGS этой эпохи), изображения настолько растянуты, что оба животных покрывают всё метопальное пространство тулова сосуда, и в изображение не было добавлено никаких элементов заполнения. При-

⁹² Denti 2000: 816 sq. Ср. Dupont: 1983, no 2.

⁹³ Cook, Dupont, 1998, p. 38: «Such secondary schools are apparent from finds at Ephesus and on Chios and others may turn up as exploration proceeds» («Существование таких вторичных школ очевидно благодаря находкам в Эфесе и на Хиосе; в ходе исследования могут обнаружиться и другие такие школы»).

⁹⁴ Cook, Dupont 1998: 66. Ср. Dupont 1983: 18.

⁹⁵ Обширная библиография, касающаяся этого художника (см. выше примеч. 89), может избавить от того, чтобы детально здесь к этому возвращаться.

⁹⁶ Adamesteanu 1953: 244–247, 246, pl. CVIII, 2; Orlandini 1978: 96, pl. LV, fig. 18; Denti 2000: 822, fig. 16.

Рис. 16

Джела, стамнос MWGS I, местного изготовления. По: Rizza, De Miro 1986

мечательная утонченность рисунка, очень четкие черты деталей обеих фигур, совершенное соответствие иконографическим канонам среды происхождения способствуют тому, чтобы наметить профиль «милетского» художника, который, как и в случае Вульчи, внедрил свою мастерскую в Геле.

А ведь те же самые черты могут быть обнаружены на двух маленьких кратерах WGS, изготовленных в мастерской Инкоронаты незадолго до 640–630⁹⁷ – датировка, которая опирается на ясные стилистические доводы, но в особен-

⁹⁷ Denti 2000: 816, fig. 13 et 14.

Рис. 17

Инкороната, маленький кратер WGS, местного изготовления. Сл. © М. Денти

ности на однозначные археологические аргументы⁹⁸. Это можно проверить на лучше всего сохранившемся сосуде (рис. 17): дикая коза, которая, будучи одна, занимает всё метопальное пространство, изображена сильно упрощённо как в очертаниях, так и в способе нанесения рисунка. Другие элементы позволяют здесь распознать руку художника, эмигрировавшего из Восточной Греции, глубоко проникшегося способами изображения, освоенными в своей родной школе, но переосмысленными в новых условиях работы: отсутствие орнаментов для заполнения; процесс иконографического упрощения сюжетов WGS; определённая «свежесть» заодно с относительной небрежностью в начертании форм, также как и в изображении животных; особый способ воспроизведения деталей рогов козы при объединении двух техник (силуэт в нижней секции и «необработанная зона» в верхней)⁹⁹, отсутствие ангоба.

Но эти особенности равным образом присутствуют на других расписных сосудах, созданных греческими гончарами Инкоронаты, способными воспроизвести различные стили, модные в ту эпоху (протокоринфский, протоаттиче-

⁹⁸ См. выше примеч. 9 и 80.

⁹⁹ Подлинное «техничко-стилистическое разнообразие» изображения частей животного – эпоним этих изделий (рога на которых обычно имеют лишь контур): Denti 2000: 820.

ский, кикладский, восточно-греческий¹⁰⁰), порой на одном и том же сосуде¹⁰¹. В частности, этот художник с восточно-греческой подготовкой оперировал подборкой сюжетов из своего собственного репертуара, экспериментируя, буквально «изобретая» новые изделия. Если они больше и не похожи в точности на свои прототипы, эти сосуды в любом случае неизменно с точностью напоминали как заказчику, так и общественности об их культурном и географическом происхождении.

Эти новые «периферийные» мастерские WGS, действующие на Западе, будут существовать не очень долго; политическая история и, следовательно, история искусства VI в. уготовят им быстрый конец. Но их желание показать столь сильную связь со своими «учителями» метрополии должна сегодня составлять для нас главную тему размышлений. Могли бы, таким образом, наши восточно-греческие мастера по керамике, находящиеся в Геле, Инкоронате или Вульчи, демонстрировать гораздо больше, чем случайное присутствие? Были ли эти маленькие группы художников в состоянии выработать инструменты для конструирования самобытного пути, востребованного их заказчиками? Их систематическое появление в тех местах, в которых немного позже середины VII в. регистрируется более интенсивный импорт «оригинальных» изделий WGS, может лишь подкрепить представленную ранее гипотезу возможного существования значительного комплекса отношений, очень плотных и специфичных (но природу которых остаётся определить), между западными заказчиками и восточно-греческими мастерскими.

Мастерская «Художника странствующих грифонов» играла, скорее всего, определяющую роль в процессе этих отношений. Она была способна регулярно выполнять заказы, причём всегда важные, приходившие из Западного Средиземноморья, с Чёрного моря, а также из наиболее значительного святилища Восточной Греции – Герайона Самосского: заказы, связанные с ключевыми местами в процессе распространения греческой ориентализирующей культуры середины VII в. до н. э. Грифоны, представленные на её сосудах, выйдя однажды из-под кисти художника, в скором времени «летели», таким образом, на далёкий Запад и к Босфору. Унося с собой эти великолепные и изысканные изделия, они брали курс к окраинам (*eschatiai*), где они могли реализовать свою

¹⁰⁰ Другое важное свидетельство восприятия иконографии грифона WGS – большой шарообразный декорированный сюжетом с двумя грифонами рядом с пальметтой арибалл из Инкоронаты, на поверхности которого присутствуют особенности и коринфской работы: Orlandini 1988: pl. 1; Denti 2000: 814; Croissant 2003: 227–254, 238–239, fig. 13–14.

¹⁰¹ По этой проблеме см. наблюдения Denti 2000 et Denti 2002 с описанием состояния этого вопроса и предшествующей историографией.

сверхъестественную энергию с ещё большей силой¹⁰². По прибытии они стали бдительными стражами обряда во время действий, выполняемых для почитания культа умерших или для жертвоприношения божествам. На аристократическо-героическом горизонте, где использовалась наша керамика, глубочайшее значение иконографии этого фантастического животного¹⁰³, безусловно, было значительным.

P.S. Закончив редактирование этой статьи, я ознакомился с ойнохоей MWGS I, обнаруженной в архаическом некрополе Наксоса на Сицилии: *Lentini M.C. Una oinochoe Middle Wild Goat I da Naxos in Sicilia // Die Ägäis und das westliche Mittelmeer. Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. v. Chr. Akten des Symposions. Wien 1999 / Hrsg. von F. Krinziger. Wien, 2000. S. 425–428.* Автор справедливо сближает её с сосудами из Темир-горы и Вульчи. Если стиль и изящество черт декора могут наводить на мысль о принадлежности этого изделия к группе керамики, изготовленной нашей мастерской, то очень небольшие размеры сохранившихся фрагментов не позволяют подтвердить эту гипотезу. Однако эта важная находка позволяет углубить знания о распространении этих предметов роскоши в Западном Средиземноморье, также как и о постоянстве их мест назначения (в данном случае – погребение)¹⁰⁴.

РЕЗЮМЕ

Автор изучает группу сосудов «Middle Wild Goat Style» (в частности, ойнохои и дейносы), которые могут быть признаны работой одной мастерской, действующей в Южной Ионии в третьей четверти VII в. до н. э. Эти предметы роскоши, характеризующие росписью высокого качества, были предназначены для экспорта: они были обнаружены в местных и греческих поселениях побережья Чёрного моря (Темир-гора), Западного Средиземноморья (Вульчи, Инкороната, Сирус, Гела) и в Герайоне Самосском. Их оборот, который отражает феномен эллинизации элит начала архаического периода в ориентализирующем направлении, позволяет понять их назначение и функцию: места обнаружения – исключительно святилища и некрополи – подводят нас к тому,

¹⁰² «К северу от Чёрного моря, вдали от внутренних земель, на окраинах того мира, каким его представляли Древние, можно было бы встретить аримаспов, у которых лишь один глаз, грифонов – хранителей золота, гипербореев» (Amandry 1975: 25).

¹⁰³ Vasi 1965.

¹⁰⁴ Статья представляет несколько дополненный перевод работы, напечатанной на французском языке в *Revue archéologique* 2008. 1. Presses universitaires de France. P. 3–36 (см. также: <https://www.cairn.info/revue-archeologique-2008-1-page-3.htm>). Перевод с французского выполнен А.О. Денисовым.

чтобы очертить круг использования этой керамики в рамках ритуальных практик. Их распространение имело также важные последствия для деятельности гончаров, эмигрировавших из Восточной Греции на Запад («Западный Wild Goat Style»).

Ключевые слова: Греческий мир, Восточная Греция, Иония, Западная Греция, Чёрное море, Вульчи, Инкороната, Сирис, Гела, Самос, Темир-гора, ориентализирующая керамика, Wild Goat Style, VII в. до н. э.

THE CIRCULATION OF WILD GOAT STYLE POTTERY (MWGS I)
FROM THE BLACK SEA TO WESTERN GREECE: RECEPTION AND DESTINATION
Mario Denti

The author studies a group of Middle Wild Goat Style I pottery (mainly oinochoai and deinoi) that can be assigned to one workshop, active in South Ionia in the third quarter of the 7th century BC. These are prestigious products with decoration of high quality and intended for export, being found in both indigenous and Greek settlements in the Black Sea area (Temir Gora), the Western Mediterranean (Vulci, Incoronata, Siris, Gela) and at the Samian Heraion. Their circulation, typical of hellenisation of early archaic elites in the orientalising manner, helps us to understand their destinations and function. Contexts, exclusively sanctuaries and cemeteries, allows us to define the use of this pottery as for ritual. Their distribution also had an important effect on potters who had emigrated from Eastern Greece to Western Greece («West Wild Goat Style»).

Key words: Greek world, Eastern Greece, Ionia, Western Greece, Black Sea, Vulci, Incoronata, Siris, Gela, Samos, Temir Gora, Orientalising ceramic, Wild Goat Style, 7th century BC.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов Ю.А.* 2001: Курганы варварской знати V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского (опыт интерпретации // ВДИ. 4. С. 77–87.
- Копейкина Л.В.* 1972: Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир Гора // ВДИ. 1. С. 147–159.
- Корпусова В.Н.* 1980: Расписная родосско-ионийская ойнохоя у с. Филатовка в Крыму // ВДИ. 2. С. 100–104.
- Adamesteanu D.* 1953: Vasi gelesi arcaici di produzione locale // *Archeologia Classica*. 5. P. 244–247.
- Adamesteanu D.* 1973: L'attività archeologica in Basilicata // *Atti del XII Convegno di Studi sulla Magna Grecia, Taranto 1972*. Tarente. P. 313–327.
- Adamesteanu D.* 1974: La Basilicata antica: storia e monumenti. Cava dei Tirreni.

- Alexandrescu P.* 1978: La céramique de la Grèce de l'Est dans les cités pontiques // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Colloque international. Centre Jean-Bérard, Institut français de Naples 1976. Naples. P. 52–61.
- Amandry P.* 1975: Grecs et Scythes // Or des Scythes. Trésors des Musées soviétiques. Grand Palais de Paris, 8 octobre – 21 décembre 1975. Paris. P. 25–32.
- Biering R. et al.* 2006: Maiandros: Festschrift für Volkmar von Graeve / Hrsg. von R. Biering, V. Brinkmann, U. Schlotzhauer, B.F. Weber. München.
- Bisi A.M.* 1965: Il grifone, Storia di un motivo iconografico nell'antico Oriente mediterraneo. Roma.
- Boardman J.* 1998: Early Greek Vase Painting, 11th–6th Century BC. London.
- Boitani Visentini F.* 1978: Le ceramiche decorate di importazione greco-orientale di Gravisca // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Colloque international. Centre Jean-Bérard, Institut français de Naples 1976. Naples. P. 216–222.
- Ciafaloni D.* 1986: Ceramica greca d'importazione // I Greci sul Basento: mostra degli scavi archeologici all'Incoronata di Metaponto, 1971–1984. Milano; Como. P. 121–125.
- Cook R.M.* 1989: East Greek Influences on Etruscan Vase-Painting // PP. 246. P. 161–173.
- Cook R.M.* 1958: Greco-orientali, centri e tradizioni // Enciclopedia Universale dell'Arte. VI. Firenze. Col. 839–871.
- Cook R.M.* 1993: A Carian Wild Goat Style Workshop. Oxf. JA. 12/1.
- Cook R.M.* 1994: Greco-orientale, ceramica // EAA, 2o Suppl. 1971–1994. II. Col. 891–894.
- Cook R.M.* 1997: Greek Painted Pottery. London.
- Cook R.M., Dupont P.* 1998: East Greek Pottery. London; New York.
- Croissant F.* 1983: Les protomés féminines archaïques, Recherches sur les représentations du visage dans la plastique grecque de 550 a 480 av. J.-C. Paris; Athènes.
- Croissant F.* 2003: Sur la diffusion de quelques modèles stylistiques corinthiens dans le monde colonial de la deuxième moitié du VIIe siècle // RA. P. 227–254.
- Damarato* 2000: Damarato, Studi di antichità classica offerti a Paola Pelagatti / Ed. I. Berlingò, H. Blanck, F. Cordano, P.G. Guzzo, M. C. Lentini. Milano.
- de La Genière J.* 1982: Asie Mineure et Occident, Quelques considérations // I Focci dall'Anatolia all'Oceano. Atti del Convegno. Napoli 1981 // PP. 37. P. 163–181.
- Denti M.* 2000: Nuovi documenti di ceramica orientalizzante della Grecia d'Occidente, Stato della questione e prospettive della ricerca // MÉFRA. 112. 2000/2. P. 781–842.
- Denti M.* 2000a: Un frammento di deinos del VII secolo a.C. con figura mitologica da Siris-Polieion // Rendiconti. S. 9, v. 11, f. 3. P. 475–497.
- Denti M.* 2002: Linguaggio figurativo e identità culturale nelle più antiche comunità greche della Siritide e del Metapontino // Identità e prassi storica nel Mediterraneo greco / Ed. L. Moscati Castelnovo. Milano. P. 33–62.
- Denti M.* 2002a: Le attestazioni del mito in Magna Grecia e in Sicilia nell'VIII e VII sec. a.C. // Immagine e mito nella Basilicata antica. Catalogo della mostra (Potenza, dicembre 2002 – marzo 2003). Venosa. P. 22–34.

- Denti M.* 2005: Perirrhantaria figurati a rilievo nei depositi di ceramica sulla collina dell'Incoronata di Metaponto, Tracce di un'attività rituale? // *Siris*. 6. 173–186.
- Denti M.* 2013: The contribution of research on Incoronata to the problem of the relations between Greeks and non-Greeks during proto-colonial times // *AWE*. 12. 2013. P. 71–116.
- Denti M., Lanos Ph.* 2007: Rouges, non rouges, les briques de l'Incoronata et le problème de l'interprétation des dépôts de céramique. // *MÉFRA*. 119/2. P. 445–481.
- Dupont P.* 1978: Une approche en laboratoire des problèmes de la céramique de Grèce de l'Est // *Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur Diffusion en Occident. Colloque international. Centre Jean-Bérard, Institut français de Naples 1976. Naples*. P. 290–297.
- Dupont P.* 1983: Classification et détermination de provenance des céramiques grecques orientales archaïques d'Istros, Rapport préliminaire // *Dacia. Revue d'archéologie et d'histoire ancienne N.S.* 27. 1–2. P. 19–43.
- Dupont P.* 1986: Naturwissenschaftliche Bestimmung der archaischen Keramik Milets // *Milet 1899–1980, Ergebnisse, Probleme und Perspektiven einer Ausgrabung. Kolloquium Frankfurt am Main. Ist. Mitt. Beiheft 31. Tübingen*. S. 57–72.
- Fouilland F.* 2000: Fragments du «Wild Goat Style» à Syracuse, Ortygie // *Damarato, Studi di antichità classica offerti a Paolo Pelagatti. Roma*. P. 115–118.
- Gaultier F.* 2000: Le ceramiche dipinte di età arcaica // *Gli Etruschi / Dir. M. Torelli. Milano*. P. 421–437.
- Giuliano A.* 1963: Un pittore a Vulci nella II metà del VII secolo a.C. // *JdI*. 78. P. 183–199.
- Giuliano A.* 1975: Una oinochoe greco-orientale nel Museo di Villa Giulia // *Bollettino d'arte. Ser. V. LX. III–IV*. P. 165–167.
- Giuliano A.* 1975: Il pittore delle Rondini // *Prospettiva*. 3. P. 4–8.
- Giuliano A.* 2000: Ancora sul «pittore delle Rondini» // *Damarato, Studi di antichità classica offerti a Paola Pelagatti / Ed. I. Berlingò, H. Blanck, F. Cordano, P.G. Guzzo, M.C. Lentini. Milano*. P. 126–129.
- Gorbunova X., Saverkina I.* 1975: Greek and Roman Antiquities in the Hermitage. Leningrad.
- Guzzo P.G.* 1978: Importazioni fittili greco-orientali sulla costa ionica d'Italia // *Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Colloque international. Centre Jean-Bérard, Institut français de Naples 1976. Naples*. P. 107–130.
- Guzzo P.G.* 1982: La Sibaritide e Sibari nell'VIII e nel VII secolo a.C. // *An. Sc. Atene. LX. N.S. XLIV*. P. 237–250.
- I Greci sul Basento* 1986: I Greci sul Basento. Mostra degli scavi archeologici all'Incoronata di Metaponto. 1971–1984. Catalogo della mostra, Milano. Como.
- Incoronata* 2000: Ricerche archeologiche all'Incoronata di Metaponto: L'oikos greco del grande perirrhantion nel contesto del saggio G / A cura di P. Orlandini, M. Castoldi. Milano.
- Isler H.P.* 1978: Samos: la ceramica arcaica // *Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Colloque international. Centre Jean-Bérard, Institut français de Naples 1976. Naples*. 71–84.

- Jully J.-J.* 1978: Les céramiques archaïques du sanctuaire carien de Labraunda // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Colloque international. Centre Jean-Bérard, Institut français de Naples 1976. Naples. P. 31–33.
- Kardara Ch.* 1963: Rhodiaki Angeiographia. Athènes.
- Kopke G.* 1968: Heraion von Samos: die Kampagnen 1961–1965 in Südtemenos (8.–6. Jahrhundert) // AM. 83. P. 250–314.
- La Rocca E.* 1985: Mileto e Iasos nel VII secolo a.C.: un'oinochoe del Middle Wild Goat Style I // Studi su Iasos di Caria. Bollettino d'arte. 31–32. Suppl. P. 35–46.
- Lemos A.* 1991: Archaic Pottery of Chios, The Decorated Styles. Oxford.
- Les céramiques de la Grèce de l'Est* 1978: Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Colloque international. Centre Jean-Bérard, Institut français de Naples 1976. Naples.
- Lo Porto G.* 1978: Le importazioni della Grecia dell'Est in Puglia // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Colloque international. Centre Jean-Bérard, Institut français de Naples 1976. Naples. P. 131–136.
- Martelli Cristofani M.* 1978: La ceramica greco-orientale in Etruria // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Colloque international. Centre Jean-Bérard, Institut français de Naples 1976. Naples. P. 150–212.
- Martelli M.* 1985: I luoghi e i prodotti dello scambio // Civiltà degli Etruschi / Ed. M. Cristofani. Milano. P. 175–224.
- Martelli M.* 1987: La ceramica degli Etruschi. La pittura vascolare. Novara.
- Orlandini P.* 1978: Ceramiche della Grecia dell'Est a Gela // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Colloque international. Centre Jean-Bérard, Institut français de Naples 1976. Naples. P. 93–98.
- Orlandini P.* 1978a: Intervention // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Colloque international. Centre Jean-Bérard, Institut français de Naples 1976. Naples.
- Orlandini P.* 1982: Scavi e scoperte di VIII e VII sec. a.C. in località Incoronata tra Siris e Metaponto // An. Sc. Atene. LX. N.S. XLIV. P. 315–327.
- Orlandini P.* 1985: Incoronata (Metaponto), Campagne di scavo 1977–1978 // Quaderni de «La ricerca scientifica». 112. Roma. P. 217–236.
- Orlandini P.* 1988: Due nuovi vasi figurati di stile orientalizzante dagli scavi dell'Incoronata di Metaponto // Bollettino d'arte. 49. Mai-juin. P. 1–16.
- Panzeri P.* 1981: Oinochoe tardogeometrica dall'Incoronata // ACME. XXXIV. III. Sett. – dic. P. 579–582.
- Paribeni E.* 1974: Metaponto, Lineamenti di uno sviluppo artistico // Atti del XIII Convegno di Studi sulla Magna Grecia, Taranto 1972. Taranto. P. 135–150.
- Paribeni E.* 1978: Centri di produzione ceramica di età orientalizzante in Magna Grecia // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Colloque international. Centre Jean-Bérard, Institut français de Naples 1976. Naples. P. 239–242.

- Pugliese Carratelli G.* 1996: Grecs en Occident / Ed. G. Pugliese Carratelli. Milan. 1996.
- Rallo A.* 1978: Le importazioni greco-orientali a Selinunte a seguito dei più recenti scavi // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Colloque international. Centre Jean-Bérard, Institut français de Naples 1976. Naples. 99–103.
- Rizza G., De Miro E.* 1986: Le arti figurative dalle origine al V secolo // Sikanie, Storia e civiltà della Sicilia greca. Milano.
- Salviat F.* 1978: La céramique de style chiote à Thasos // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Colloque international. Centre Jean-Bérard, Institut français de Naples 1976. Naples. P. 87–92.
- Schattner Th. G., Riederer J.* 2007: Die Fundkeramik vom 8. bis zum 4. Jahrhundert v. Chr. // Didyma. III. 4. Mainz.
- Schefold K.* 1938: Der skythische Tierstil in Südrussland // ESA. XII. S. 1–78.
- Scheibler I.* 2004: Il vaso in Grecia, Produzione, commercio e uso degli antichi vasi in terracotta. Milano. Trad. ital. de Griechische Töpferkunst. Monaco di Baviera. 1983, 1995².
- Schiering W.* 1957: Werkstätten orientalisierender Keramik auf Rhodos. Berlin.
- Schiltz V.* 1991: Histoires de Kourganés, La découverte de l'or des Scythes. Paris.
- Schiltz V.* 1994: Les Scythes et les nomades des steppes. Paris.
- Stoop M.W.* 1970–1971: Francavilla Marittima, Santuario di Atena sul Timpone della Motta // ASMG. XI–XII. P. 38–66.
- Stoop M.W.* 1979: Note sugli scavi nel santuario di Atena sul Timpone della Motta (Francavilla Marittima – Calabria), 1–2 // BABesch. 54.
- Tzetskhladze G.R.* 1994: Greek Penetration of the Black Sea // The Archaeology of Greek Colonisation. Essays Dedicated to Sir John Boardman / Ed. by G.R. Tzetskhladze, F. De Angelis. Oxford. 2004. P. 111–135.
- Vakhtina M.Ju.* 2006: Greek Archaic Pottery from the Barbarian Sites of the Forest-Steppe Zone // International Conference «The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges». Sandbjerg (Danemark). 8–11 janvier.
- Walter H.* 1968: Frühe Samische Gefässe, Chronologie und Landschaftsstile ostgriechischer Gefässe. Ser. Samos. V. Bonn.
- Vasi del Wild Goat Style* 2008: Vasi del Wild Goat Style dalla Sicilia e dai Musei Europei. Catalogo della Mostra Gela, Museo Archeologico Regionale, 27 aprile–21 maggio 2006, Bochum, Kunstsammlung der Ruhr-Universität, 30 maggio–15 luglio 2006 / Ed. M.C. Lentini. Gela.

А.О. Денисов, А.В. Подосинов

РИПЕЙСКИЕ ГОРЫ В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕОКАРТОГРАФИИ*

Всякий, кто занимается древней и средневековой географией Северной Евразии, так или иначе сталкивается с проблемой локализации мифических (или полумифических) Рипейских (в латинской орфографии часто Рифейских) гор (Ῥίπαί, Ῥίπαια ὄρη, Ῥίπαῖα ὄρη, Ripaei/Riphaei montes, Riphei, Ripheus, Rifei, Rifei, Riffei), будто бы находящихся на севере Европы¹. Известные еще древнеионийской науке, Геродоту², Рипейские горы прочно вошли в представления античного человека о северной окраине ойкумены, чаще всего севера – северо-востока Европы. Более того, на протяжении всего средневековья и в последующие века вплоть до XVI в. существование где-то в Северо-Восточной Европе или Северной Азии Рипейских гор не вызывало особых сомнений. Большая часть средневековых карт содержала указание на Рипейские горы.

В европейской науке Нового времени Рипейские горы идентифицировались различно: под ними понимали то Тянь-Шань, то Алтай, то Урал, то Кавказ, то Карпаты, то даже Альпы (так, у Аполлония Родосского Дунай берет начало из Рипейских гор). Известно, что шведские ученые XVII в. (например, Улаф Рюдбек) считали, что Рипеи – это горы в Швеции; помещали их также в Польше, в Литве, на Среднерусской возвышенности.

---

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФ (№14-18-02121: «Северная Евразия на картах от Птолемея до современных ГИС-технологий»); частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02. В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

¹ См. подробнее: Kiessling 1914: 846–916; Bekkers 1914: 534–557.

² *Herod.* IV, 23–25.

В настоящей статье мы намерены проследить зарождение, эволюцию и особенности этого мифопоэтического и географического концепта на протяжении античности и средневековья³.

РИПЕЙСКИЕ ГОРЫ В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Горы на севере греческой ойкумены Европы – царство Борея

Говоря о феномене неких гор, находящихся на севере от Греции, следует отметить, что подобные представления были характерны для многих народов древности – индийцев (гора Меру) и иранцев (гора Хара Березайти), иудеев (гора Цафон), вавилонян (Армянское нагорье), греков (гора Олимп), этрусков (Апеннинские горы) и др.; везде это были резиденции богов и везде они находились на севере соответствующей страны. Это обстоятельство объясняется тем, что все эти культуры возникли южнее Великого Евразийского горного пояса, который, начинаясь от Пиренеев на крайнем западе Евразии, шел через Альпы, Карпаты, Кавказ, центральноазиатские горы и, по представлениям античных географов, вплоть до Восточного океана. Поэтому горы, на которых должны были обитать боги, находились реально к северу, поэтому и сакральная ориентация для всех этих народов, наряду с традиционной восточной (солярной), была направлена на север⁴. В некоторых мифологических системах эти северные горы (гора) воспринимались даже как ось мира, вокруг которой вращается мироздание (например, гора Меру).

Где же находились северные горы в Европе, с точки зрения грека архаической эпохи? Чтобы ответить на этот вопрос, следует определить, как выглядела ойкумена в это время. Наш анализ географических и космологических представлений Гомеровых греков⁵ приводит к выводу, что Европа в этой картине мира была ограничена самой Грецией, омываемой с востока, юга и запада морем и уходящей на севере на неопределенное расстояние, т. е. практически Балканским полуостровом (см. *рис. 1 и 2*).

В этой архаической картине мира северный горизонт греков замыкался гористыми областями – Пиэрией, Македонией, Пеонией и Фракией. Грекам были знакомы большие горные массивы, фракийские Родопы, Пангея и Гем. Сразу за горами должен был находиться или Северный океан (который окружал всю землю⁶ и по которому будто бы плавали аргонавты и Одиссей), или некая по-

³ Раздел об античном понимании Рипеев написан А.В. Подосиновым, о средневековом – А.О. Денисовым.

⁴ Подробнее см.: Подосинов 1999: 543–547.

⁵ Подосинов 2015а.

⁶ Ср. *Strabo* I, 3: «Гомер объявил, что обитаемый мир со всех сторон омывается Океаном, как это и есть в действительности».

Периодическое издание

Аристей: Вестник классической филологии
и античной истории

Том XIV

Корректор: И.В. Подосинова
Дизайн и верстка: А.В. Белоусова

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-41279

Подписано в печать 20.11.16. Формат 170x240.
Бумага офсетная, 80 г. Тираж. 200 экз. Заказ
«Русский фонд содействия образованию и науке».
Университет Дмитрия Пожарского.
119435, Москва, Малая Пироговская, д. 13, стр. 1.
www.s-and-e.ru

«ППП “Типография Наука”».
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

